

Вячеслав ДЕНИСОВ

**ПОСЛЕДНЕЕ
СЛОВО**
**ДЕВЯТОГО
КАЛИБРА**

СУДНЫЙ ЧАС

Судья Струге

Вячеслав Денисов

Последнее слово девятого калибра

«ЭКСМО»

Денисов В. Ю.

Последнее слово девятого калибра / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
— (Судья Струге)

Отморозки, дорвавшиеся до власти, принуждают судью Феклистова оправдать находящегося под следствием проворовавшегося чиновника. Судья отказывается, и тогда его убивают – среди бела дня, в столичной гостинице МВД. За несколько минут до гибели судья успевает спрятать в ящике пожарного крана какие-то документы. Это происходит на глазах его коллеги судьи Струге. Заполучив документы, которые оказались серьезным компроматом на влиятельных государственных служащих, Струге вызвал огонь преступников и коррупционеров на себя. Он оказывается один в окружении убийц. Один, если не считать порядочного и честного судьи Меньшикова, которому Струге доверяет как самому себе. Но Струге даже не предполагает, как сильно и жестоко он ошибается... Ранее роман «Последнее слово девятого калибра» выходил под названием «Палач для судьи».

© Денисов В. Ю.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вячеслав Денисов

Последнее слово девятого калибра

Все персонажи романа вымышлены. Совпадения имен и фамилий с реальными лицами случайны. События выдуманы. Достоверны в романе лишь два факта – судьбы областных и районных судов Российской Федерации повышают свою квалификацию в Российской академии правосудия, и она действительно находится в Москве.

Пролог

Судья Феклистов вышел из здания суда ровно в девятнадцать часов. Он жил неподалеку, в двух остановках, жене к позднему появлению Владимира Игоревича было не привыкать, поэтому он и не торопился. Отношения с женой уже давно превратились из теплых в обыденные, и виной тому все та же работа. Раньше он задерживался на службе по причине привыкания к новой должности, а спустя десять лет, когда эта должность слегка охладила семейные отношения, домой он не рвался уже оттого, что эти отношения стали холодноватыми.

Привыкнуть к жизни с судьей способен не каждый. Prestижное положение – да, зарплата стабильная и приемлемая – да. Как у Христа за пазухой, кажется. Ан нет. Семья требует внимания, а времени у судьи – в обрез.

Вместе с напряженной обстановкой дома его давило еще одно обстоятельство. Рассмотрение одного из самых сложных дел в его карьере. Дело о хищении с территории Мрянского тракторостроительного завода непристойного для упоминания вслух количества тракторов. Сложным оно было не по процессуальным причинам, а по околосоудебным. Непомерное давление Феклистов ощущал каждую минуту. Давили на судью со всех сторон, на столе лежало фальсифицированное в пользу подсудимого уголовное дело, и близился час, когда Феклистов будет вынужден огласить оправдательный приговор, а в отношении неустановленных хищников выделить дело в отдельное производство и направить на расследование в ту же прокуратуру.

Служебное давление можно было, как обычно, перенести, но вот изощренный пресс со стороны неизвестных умников забросить за спину и не обращать на него внимания было невозможно. Феклистов не сомневался в том, что авторами ночных звонков ему домой являются люди мрянского авторитета Лиса. Внешне вполне приличного бизнесмена, президента компании «Лисс-уголь» Лисса Михаила Юльевича.

Среди прочих документов, попавших в руки Феклистова, был странный пакет документов, который не фигурировал и даже не упоминался в уже имеющемся уголовном деле, представленном предварительным следствием. Не прошло и недели после получения дела для рассмотрения, как Владимир Игоревич догадался об истинной силе непонятных на первый взгляд документов. Устойчивое словосочетание «черная бухгалтерия» известно каждому. «Черную бухгалтерию» ведут все, кто связан с бизнесом, – от директора ООО, имеющего коммерческий киоск по продаже сигарет, до президента акционерных обществ, занимающихся торговлей нефти. Без двойной, а то и тройной бухгалтерии не прожить, она луч света в темном царстве налоговой политики государства и судоходный канал, по которому из кармана страны уплывают огромные финансовые средства. Бухгалтерия МТЗ не отличалась от упомянутой ничем, за исключением того, что в ней имелась подробная информация относительно того, сколько тракторов прокатились по территории отдела коммерческого, минуя отдел финансовый. Иначе говоря, сколько тракторов было украдено, незаконно продано и на каких счетах

каких банков осели средства, полученные от такой операции. Исчезновение габаритной техники поражало своими масштабами и изыском фальсифицированных документов. Немудрено, что следственной группе из прокуратуры не удалось накопать и десятой части той информации, которая таилась за высокими стенами завода. Вполне возможно, что прокурорским труженикам не так уж и хотелось впрягаться в воз, который они не в силах выкатить из ворот МТЗ, чтобы впоследствии его дотащить до крыльца суда.

Как бы то ни было, но документы, попавшие в руки судьи Феклистова, являлись настольной книгой для начинающего мага-мошенника. Как они попали в руки директора МТЗ Пусыгина, теперь оставалось лишь гадать. По всей видимости, господин Баварцев не отличался высокопрофессиональными шпионскими навыками при работе с секретными документами. Оставленная на столе секретарши папка, при упомянутой тревожной ситуации на заводе, могла попасть в руки директора. Не нужно быть провидцем, что тот в ней чуть-чуть покопался и сделал кое-какие копии. На десяти листах материала подробно, по операциям, описывалось производство суперфокуса, при котором семья Кио просто отдыхает. Как украсть девятьсот тридцать тракторов, чтобы даже следов от них не осталось? Обратитесь, пожалуйста, к Баварцеву Сергею Львовичу – коммерческому директору, исполняющему обязанности заместителя директора МТЗ. Именно о нем шла речь в заявлении самого директора, когда он, почувствовав неладное, впервые обратился в прокуратуру.

Устав от телефонных звонков и постоянного подталкивания, Феклистов решил сменить обстановку и отдохнуть. По суду прокатился слух, что начиная с этого года в Московской академии правосудия открываются курсы, на которых судьи могут повышать свою квалификацию. Как это ни называй, а командировка в Москву – это внештатный отпуск за текущий год со всеми вытекающими из него последствиями.

Необходимо было взять хотя бы короткий перерыв, потому что жизнь Владимира Игоревича становилась все тягостней. Звонки домой и на работу, нудные, растягивающиеся, как резина, разговоры, главной темой которых, конечно, был Баварцев и события на заводе, стали менять не только служебную жизнь судьи, но и личную. Еще можно было бы как-то держаться, если бы имелся крепкий тыл. Но «тыл» лишь предьявлял ультиматумы и составлял манифесты.

Когда жизнь дома стала невыносимой, судья сменил телефонный номер. Из-за сложности процесса, по решению председателя областного суда, ему был выделен персональный автомобиль с двумя охранниками. Но не прошло и двух дней после принятия этих мер предосторожности, как Феклистова вновь стали беспокоить звонки с просьбой «подойти к рассмотрению дела о хищениях на тракторном заводе со всею беспристрастностью и ответственностью», а вечером следующего дня жена Владимира Игоревича стала свидетельницей безвременной кончины их любимца – спаниеля Тома. Невидимый стрелок-шутник пристрелил пса, когда тот находился в трех шагах от хозяйки. Это был сигнал Феклистову о том, что маскировка в телефонной сети и нырки за спины охранников – бесперспективный трюк.

Это стало последней каплей. Завтра Владимир Игоревич отправит жену и дочь в Луцк, к родственникам.

В очередной раз он прочитал на кухне документы, когда уснули жена с дочерью и закончился последний выпуск новостей. Владимир Игоревич Феклистов, федеральный судья, сидел на кухне, курил сигарету за сигаретой и вспоминал улыбку Баварцева. В ней царили злорадство и ненависть, уверенность в собственном успехе и беспомощности судьи.

Феклистов сидел и курил, заполняя всю кухню удушливым запахом сгоревшего табака. Случилось то, что и предполагалось. Жена пообещала по возвращении из Луцка подать на развод и просила его, как влиятельное лицо, помочь с решением этого вопроса в его «родном» Ленинском районном суде.

Но утром следующего дня судья выйдет из дома и отправится не в Ленинский суд, где он вершил правосудие, а в областной. Зайдет к председателю, милейшему человеку, и спросит:

– Алексей Владиславович, вы так и не подыскали кандидатуру для командировки на учебу?

– Нет, – ответит тот. – А почему интересуетесь?

Феклистов, не раздумывая, скажет:

– Потому что этим кандидатом хочу быть я. Проветрюсь да заодно разнюхаю, ветры каких перемен готовы долететь до нашей области из Верховного суда. Дело Баварцева у меня назначено на март, так что вразрез с делами желание не пойдет.

Зачем он, судья с десятилетним стажем, напросился на учебу в Москву? Неужели нет тех, новоиспеченных, на которых мантия еще коробится, как гимнастерка на новобранце? Так было бы не только разумнее, но и справедливее. Однако он сам подошел к председателю и напросился. А тот долго не сопротивлялся. Академия проводит первый набор, поэтому будет лучше, если в Москве засветится человек грамотный, не способный выкинуть в присутствии высших должностных лиц какую-нибудь глупость. Например, спросить, когда судьям будет повышена заработная плата или почему не исполняется требование статьи девятнадцатой Закона «О статусе судей» о внеочередном предоставлении жилой площади. Феклистов не спросит. Во-первых, у него с квартирой порядок, во-вторых, он умный. Для председателя этих двух оснований хватало с избытком.

Еще вчера так считал и сам Феклистов. Однако сегодня этот список причин он готов был продолжить.

Вечером, после работы, он зайдет на Главпочтамт. Вынет из кармана тугой бумажный сверток с заранее надписанным адресом и отправит без уведомления «ценным письмом».

Адресом получателя будет значиться гостиница «Комета», находящаяся в городе Москве. Получателем – Владимир Игоревич Феклистов, жилец номера 1017.

Этот номер был указан в брони, заказанной для мрянского судьи в Судебном департаменте при Верховном суде по Мрянской области.

В последний вечер судья никуда не торопился. Сегодня он подписал командировку в Москву, и оглашение этого факта дома означало окончательный семейный развал. Лишнее подтверждение того, что Феклистову «наплевать на дом и атмосферу в семье». Доказательство того, что даже заявление жены о разводе не «произвело на него должного впечатления». Первое уже звучало, а второе ему предстояло выслушать через...

Поездка до дома на автобусе займет десять минут. Прогулка – двадцать. И он подарил себе эту разницу в десять минут. Если быть откровенным до конца, то он мог сейчас признаться в том, что в собственную квартиру ему не хочется идти вовсе. Отложив дела, он покинет город уже завтра.

А до его прибытия в Москву оставалось ровно девять суток...

Часть I

Глава 1

Февраль 2003 года

Взбираясь на подножку вагона, Антон Павлович Струге пытался скрыть на своем лице гримасу досады. Он уже почти смирился, а смирившись – успокоился. Но когда его на прощание поцеловала жена, тогда и появилась снова эта досада. «Немец» Рольф, видя «бегство» хозяина, заволновался и стал проявлять признаки легкого невроза. Сашины взмахи рукой, да выписывающий перед ней восьмерки пес – вот последнее, что увозил в свою месячную командировку судья. А как добродушно распахнул было перед Струге свои двери февраль...

Судьи не любят командировки. Есть профессии, чьи представители любую командировку воспринимают именно так, как ее воспринял Струге. В силу различных причин они тяжелее остальных переносят разлуку с домом и привычным течением жизни. Судья наградила судьей способностью взваливать на свои плечи не только чужие проблемы, но и бремя их разрешения, поэтому единственной отдушиной, где они могут уравновесить этот груз на своих плечах, является дом и семья. Не секрет, что этот груз в некоторой степени давит и на их ближних. И если человек, находящийся рядом с судьей, способен принять на себя хотя бы часть этой ноши, то, совершенно не подозревая об этом, он становится частью правосудия. Пусть невидимым, но – звеном, соединяющим закон с человеческими возможностями. Поэтому, отдаляясь от домашнего очага, судья всегда чувствует некую растерянность. Это не порок, а утвержденная природой аксиома. Все мысли судьи там, где сейчас находятся рассматриваемые им дела. Что бы он ни делал вдали от своих процессов, он будет постоянно думать о том, что время, отпущенное для них законом, потеряно. Новые сроки, возмущенные граждане, продолжающие сидеть в изоляторах подсудимые... Дело не в сострадании, ибо истинному судье чужды симпатии и предубеждения, а в точном исполнении того самого Закона, что един для всех.

Как известно, командировки делятся по своему содержанию на целевые и совершенно бестолковые. Для судей процентный состав вторых возведен в максимум, если командировки не связаны с выездными процессами. Объяснением тому является простая арифметика. Бывает, что один час оставленного без рассмотрения дела стоит года жизни отдельно взятого человека. Но и тут следует различать нюансы. Судья, принявший присягу полгода назад и командированный на повышение квалификации, – событие нормальное и объяснимое. Однако направление на обучение служителя Закона, чей стаж отправления правосудия приближается к десяти годам...

Когда на конференции судей Антон Павлович узнал, что отныне раз в месяц в Москву на повышение квалификации будут отправляться судьи, он пропустил это мимо ушей. Под выражением «повышение квалификации» понимается учеба, и ничто иное. А слово «учеба» ближе по смыслу той части судейского сообщества Терновской области, стаж членов которой соответствует именно этому понятию. «Учеба». Поэтому, когда председатель Совета судей шепнул судье Струге о том, что знает о первом кандидате на поездку, Антон Павлович поинтересовался вяло, скорее из уважения, нежели из любопытства:

– Ага?

– Вы.

Не стоит рассказывать о том, что после такого известия судья обоснованно возмутился, напомнив о том, что выносит приговоры уже почти девять лет, а есть судьи, которые не работают и года. Именно облом в логике принятого решения и удивил Антона Павловича. Но пооче-

редное обращение сначала к заместителю председателя областного суда, потом – к председателю квалификационной коллегии и, наконец, к Лукину, председателю областного суда, не принесло ожидаемых результатов. В ходе этого частного расследования установлено совершенно определенно – в командировку, повышать уровень образованности, едет именно он, Струге.

– Ты пойми правильно, Антон Павлович, – с мягкой улыбкой на лице объяснял ситуацию Игорь Матвеевич Лукин. – Это первая командировка в Москву от нашей области. И что подумают о нашей области, если я туда сразу отправлю, скажем, Макухина? Знаешь такого судью из Ленинского райсуда? Он бракоразводные дела по три года рассматривает. Люди уже умирают от старости, а он их узы Гименя никак распутать не может. Ну ты представь, если он в Москве какому-нибудь лектору из Верховного суда вопрос задаст? Лектора после этого – в реанимацию, а Макухина – в Тернов. Следующая командировка в столицу будет уже у Лукина. Только не на учебу...

– Я Макухина на квалификационной коллегии не утверждал, – резонно заметил Струге. – Если человек четыре раза подряд перед этим назначением проваливал экзамены на судью, то можно было понять, что от него ожидать в последующем.

– Ну, бог с ним, с Макухиным, – согласился Лукин. – Ты пойми главное, Антон Павлович! Нам лицо показать нужно! Пусть поймут в столице, что не Мосгорсудом единым жив Закон.

– Смотрите, Игорь Матвеевич, – предупредил Струге, – в СИЗО за нашим судом сидят люди, чей срок содержания истекает уже через месяц. Если я в Белокаменной за диплом об образовании сражаться буду, а в это время подсудимых на свободу выпустят, я дела буду рассматривать не по три года, как Макухин, а по пятнадцать.

Когда Саша с Рольфом исчезли из поля зрения, Струге вздохнул и отправился в купе. Переодевшись в спортивный костюм, он развалился на своей нижней полке с газетой «Вечерний Тернов» в руках...

К тому времени, когда через двое с половиной суток состав вползет на Казанский вокзал, Струге успеет проклясть все МПС. Сначала он с нижней полки переместится на верхнюю, так как вместе с ним в купе отправилась в путешествие молодая мама с двумя детьми пяти и восьми лет. Было бы неприлично оставаться с чужой мамой внизу, депортировав ее детей на второй этаж. Потом Антона Павловича до состояния бешенства довел проводник, который почему-то с первой минуты невзлюбил Струге, как заклятого врага. Антон Павлович грешным делом даже прокрутил в голове все последние процессы, вспоминая этого изверга. В рассмотренных им делах проводник не фигурировал ни в каком качестве. Однако всю дорогу служитель железных дорог то забывал вовремя открывать туалет (вовремя закрывать он не забывал), то дважды в ночь резко распахивал двери и спрашивал:

– А кто не хочет чаю?!

Измотавших нервы всем пассажирам детей и их усталую маму такие залепухи разбудить не могли, а вот Антон подсказывал как ужаленный. Первую ночь Струге пытался заснуть, закрыв голову подушкой. А уже во вторую, дождавшись, когда в два часа проводник наконец заснет в своей кондейке, а поезд начнет медленно подкатывать к полустанку, Его Честь федеральный судья подкрадется к двери и резко распахнет ее...

– ЧТО ЗА СТАНЦИЯ ТАКАЯ!!!

В общем, когда Струге сходил в Москве с последней ступеньки вагона, настроение у него, как и у проводника, было ни к черту. За время командировки ему нужно было выполнить три вещи. Первое – «создать лицо» коллектива судей Терновской области. Второе – узнать о нововведениях в практике Верховного суда. И, наконец, третье... В Верховном суде есть уважаемый человек по фамилии Завадский, являющийся одним из соавторов множества библиографий и нормативных сборников. Он обязательно должен был участвовать в проведении курса лек-

ций на этом слете «отличников и хорошистов». Именно к нему, с заранее купленной книгой, должен был подойти Струге и попросить сделать на титульном листе авторскую подпись. В тот момент, когда автор будет выписывать кренделя, посланник Терновского областного суда обязан был сказать сакраментальную фразу о том, что Лукин Игорь Матвеевич активно использует данную книгу в своей работе. По мнению Лукина, этот ход должен был вызвать положительные реакции в сторону Терновского областного суда. Струге, прекрасно зная, на какие положительные реакции рассчитывает Лукин, сразу же исключил данный пункт из плана своего пребывания в столице...

За последние месяцы спокойной, размеренной работы и пережитые в прошлом году потрясения Струге стал более сдержан и менее заметен. Его друг детства, а ныне прокурор транспортной прокуратуры Пашенко считал, что тот не изменился, а просто накапливает силы перед очередным броском. Струге не умел жить размеренно. Последние годы говорили о том, что события ищут всех, а находят Струге. Есть такой тип людей, которым просто несвойственно попадать в плавное течение жизни. Куда бы они ни плыли, им обязательно встретится водоворот или водопад. И при этом они постоянно на виду и успевают двигаться впереди всех.

До ведомственной гостиницы МВД «Комета» он добирался, как до передовой. Струге не раз бывал в Москве, но никак не мог привыкнуть к ее укладу. По служебным делам он действительно дальше Омска не удалялся, но почти каждый отпуск, следуя то к другу во Владимир, то к тетке – в Калининград, ему непременно удавалось попасть в Москву. Именно поэтому, закинув сумку на плечо, он молчаливо продрался сквозь стаю кричащих, как чайки, водителей такси и направился к станции метро. Утренний людской поток понес его по внутренностям мегаполиса. Перед тем как выйти на станции «Проспект Вернадского», он успел через чужие плечи прочитать пять страниц из пяти различных детективов в руках москвичей. Выходя из вагона, не нужно было даже двигать ногами. Гостеприимные жители столицы несли судью к выходу. А вот и сама гостиница...

Антон Павлович принял ключ, расписался в журнале, и уже через минуту лифт возносил его на десятый этаж. С тихой грустью, слушая гудение тросов, он почему-то вспомнил Рольфа. Пес всегда тяжело переживал его отсутствие. И сейчас наверняка лежал у их с Сашей кровати и время от времени, наводя на жену еще большую тоску, скулил. Еще оставаясь мыслями там, в Тернове, Струге шагнул в раздвинувшиеся двери. Едва он оказался в длинном коридоре, воспоминания мгновенно отхлынули...

Причиной тому было какое-то неоправданно резкое движение слева. Машинально повернув голову, Антон увидел человека в серой дубленке, отскочившего от... Струге вернул взгляд на то место, от которого удалился незнакомец. Там, на стене, располагался пожарный ящик с гидрантом. Между тем мужчина достал из кармана ключ и, повернувшись к неожиданно возникшему незнакомцу, стал вставлять его в замочную скважину.

Любопытство бывшего следователя прокуратуры взяло верх над солидностью судьи. Не отрывая взгляда от гидранта, Струге подошел к человеку. Тот нервничал. Ключ не входил в узкую щель. Мужчина был похож на вернувшегося из командировки мужа, который застукал жену на месте преступления. Проблема была в том, что любовник уже уходил через балкон, а муж на глазах терял время и главное – доказательство вины подозреваемой.

– Вы не подскажете, где находится номер 1024? – спросил Струге, для вящей убедительности показывая незнакомцу ключи с брелоком, на котором был выбит номер. – Я тут впервые.
– Нет, – отрезал человек, даже не поворачивая головы.

Антон профессиональным взглядом оценил его внешний вид, хороший костюм, видневшийся из-под дубленки, белая сорочка и дорогой галстук. Все тона приглушенные. Струге знал этот стиль хорошо, так как был верен ему без малого девять лет. Только ветреная судья-женщина наденет на процесс платье с короткими рукавами, и только бестолковый судья-мужчина сядет в кабинет, под флаг страны, одетый, как коммерческий директор. Незнакомцу, как и

Струге, было под сорок. Чувствовалось, что он не чужд занятий спортом. Свое лицо он упорно продолжал скрывать под низко надвинутой на лоб норковой шапкой.

Глядя на его несобранные движения, Струге снова поинтересовался:

– Я могу вам помочь? Я знаю эти замки! Сам перед процессом частенько мучаюсь. Пока секретарь дверь откроет, стороны уже мировое соглашение успевают заключить...

– Благодарю вас, – глухо, не поднимая головы, ответил мужчина. – Но помогать мне не нужно.

– Может, ключ не тот? – Струге придвинулся еще ближе. Попав в зону действия одеколona «Темперамент» от Франка Оливье – любимого парфюма Пашенко, он вдруг вспомнил, что сам последний раз брился почти трое суток назад. Неудивительно, что контакт не налаживался... – Я, бывает, ключ от кабинета с ключом от сейфа путаю...

– Оставьте меня в покое!.. – яростным шепотом промолвил мужчина.

– Извините. Я просто хотел вам помочь. – Струге подкинул на плече ремень сумки и зашагал по коридору.

Бросая взгляд на маленькие таблички номеров, он бормотал:

– Единственное, чего я сейчас хочу, это выспаться. А потом, побрившись и приняв душ, съесть котлету... И все-таки зачем, находясь в трезвом уме и здоровой памяти, пытаться открыть английский замок ключом от кейса? Ты не дверь открывал, а лицо от неожиданного свидетеля прятал... Свидетеля – чего? Оп! «Десять – двадцать четыре»!

Незнакомый нервный мужчина испарился из памяти Струге сразу же, как он увидел дверь своего номера. Еще до того, как он провернул ключ, в комнате послышался звук торопливых шагов.

Соседом по двухместному номеру оказался схожий с ним по возрасту человек. Струге представился.

– Максим Андреевич Меньшиков, – улыбнулся визави в ответ и протянул руку.

Меньшиков был из тех людей, контакт с которыми налаживается с первой секунды общения. Манера вести себя так, будто они знакомы уже сто лет, два последних года из которых не виделись, очень импонировала уставшему после дороги Антону. Увидев соседа, он уже смирился с мыслью о том, что сейчас придется нащупывать единую колею разговора, общие темы, и будет уж совсем некстати, если тот окажется чванливым фатом. Струге органически не переваривал снобизм, развязных дам и тупых мужиков. Это триединое требование, о котором должны знать все, кто решил вступить в общение с Антоном Павловичем. Однако годы ношения мантии приучили его скрывать подобные чувства и в неформальном общении, поэтому человек мог даже не догадываться о том, насколько неприязненные чувства вызывает у своего собеседника.

С Меньшиковым все оказалось просто. Увидев на пороге коллегу, он сорвал с плеча опешившего Антона сумку, поставил ее на кровать и стал готовить чай.

– Антон Палыч, размещайся! Кровать у окна – твоя. С детства боюсь высоты, а тут окна до пола. Такое впечатление, что лежишь на краю вселенной. Ты крепкий любишь? Знаешь, я, когда вечером сюда приехал, сделал так – разделся, прошел в душ, помылся и сейчас чувствую себя превосходно. В академию для регистрации нужно прибыть только завтра, к восьми, так что хочу прогуляться по городу, да заодно пообедать. Только обедать будем в городе. В гостиничной столовой котлеты жарят на керосине, а на гарнир дают асфальтовую пшеничную кашу. Все это поливается отработанным машинным маслом. Сахару два кубика или три?

Струге усмехнулся. Ему сейчас тактично навязали распорядок дня на ближайшие два часа. И при этом он даже не обиделся. А не обиделся потому, что сам думал только о горячем душе да дымящемся куске мяса. Продолжал думать и тогда, когда, вытирая волосы полотенцем, вышел из душа. Меньшиков с ловкостью Акопяна размешивал сахар двумя ложечками, сразу в двух стаканах.

– Представляешь, Антон Павлович, – рассмеялся он, завидев Струге, – ночью приезжаю, подхожу к лифту, и... Чуть не обалдел. Из кабины выходит генерал МВД, а за ним корячится капитан из того же ведомства. Корячится, потому что прогибается под непосильной ношей. Вцепился в два ящика пива. Не знаешь, куда мог убыть из гостиницы в два часа ночи генерал, прихватив с собой капитана и сорок бутылок «Жигулевского»?

– Так уж и капитана? – усомнился для порядка Струге, прихватывая со стола пластик сыра. – Не сержанта? И не прапорщика?

– Мамой клянусь, – совсем не по-судейски заявил Меньшиков. – Впрочем, мы здесь гости, а потому – судить не наш удел. Кстати, насчет судейства... Тебе не кажется, что мы в этой «школе» будем выглядеть, как два Ломоносовых среди малолетних чад? У меня уже десять лет судейского стажа за плечами...

Антон поблагодарил судьбу за то, что в качестве соседа на месяц ему достался Меньшиков. Он бы умер от скуки, если бы это был зануда, жалующийся на несправность судей в своем городе. Медленно шагая по Арбату, Струге убеждался – нет тем, в которых они с Меньшиковым расходились бы во мнениях. И это было не дружеское притворство в желании потрафить ближнему.

– Ты посмотри, Максим Андреевич... – указывал Струге на уличный портрет скромного мастера карандаша и гуаши. – Картина кисти неизвестного художника, а запрашиваемая за картину цена превышает все лоты Сотби. Как думаешь – у мастера самомнение высокое или я в живописи ничего не понимаю?

– Вы оба в ней ничего не понимаете, – констатировал Меньшиков. – В картине зеленого мало... Слушай, мы уже восемь часов в столице. В Третьяковке были? Были. Мимо Мавзолея проходили? Проходили. Путина не видели? Не видели. Практически все, что должны были исполнить провинциалы, мы уже исполнили. Впереди целый месяц, так что есть предложение вернуться. Знаешь, я тут генерала вспомнил...

– Ты его и не забывал! – перебил Антон. – А я думаю, зачем он с собой пустую спортивную сумку взял?!

– Правильно, – невозмутимо согласился Меньшиков. – Капитанов у нас нет. Да и мы не генералы. Два ящика, конечно, нам не по здоровью, но от пары «Гессера» я бы не отказался. У гостиницы я заметил чудное кафе. Люди в него заходят и тут же выходят, вынося в пакетах «Гессер». Захватим по паре и пойдем «ящик» смотреть. Кстати, сегодня, кажется, ЦСКА играет.

Беспечному убийству времени, которым они занимались с самого утра, рано или поздно должен был наступить конец. Заполняя паузы, Антон несколько раз пытался уточнить, в каком суде и какого города работает Меньшиков, однако тот лишь отмахивался и, смеясь, повторял:

– Слушай, давай хоть сегодня об этом не будем! Из Воронежа я. Из районного суда. Вечером и побеседуем на ненавистные темы – о повышении зарплаты, о новых законах, о проблемах Терновского и Воронежских судов. Устал я, как собака, Антон Павлович. Десять месяцев без перекура...

Струге согласился. Он сам-то из отпуска вышел лишь два месяца назад, а что такое работать в процессах год без перерыва, знал не понаслышке. Разговор ушел в сторону, благо тем хватало внеправового поля. И продолжался до выхода из станции метро на проспекте Вернадского. Теперь, когда Струге убедился в том, что, познакомив с Меньшиковым, судьба скрасила его одинокое существование в самом большом городе страны, он был спокоен. Однако это спокойствие длилось лишь до того момента, когда новые хорошие знакомые появились перед входом в гостиницу. И тогда Антон вспомнил слова друга детства, прокурора транспортной прокуратуры Тернова Пашенко. Тот произнес их в трубку, предварительно извинившись, что не сможет проводить судью на вокзале:

– Струге, вы – носитель штаммов неприятностей. Остерегайтесь в Москве всех мест, где свет тускл, а прохожие – подозрительны. Когда вы не в мантии, ваш внешний вид напоминает мытищинского авторитета. Москва – не Тернов. Там сначала мозги вышибут, а потом начнут устанавливать личность и решать – нужно было мозги вышибать или погорячились... И это... На Тверскую не заглядывай. Через нее даже бабушки переходят не просто так, а со смыслом. Так что не стоит им помогать и спрашивать, что им еще нужно. Что им нужно, я тебе по приезде расскажу...

Струге тогда запомнил лишь вторую часть наказа. Сейчас же, видя перед крыльцом «Кометы» белую «Газель» с синей надписью «Прокуратура РФ» и «Мерседес» ГУВД Москвы, он дословно вспомнил часть первую.

Заволновался и Меньшиков. Это означало, что Струге ошибиться не мог. Двое судей одновременно никогда не ошибаются. Эти автомобили привезли не новых постояльцев. Глядя на сосредоточенные лица заполнивших холл людей в штатском, Струге сделал единственно верный вывод. Слова Пащенко оказались пророческими. Теперь оставалось убедиться – насколько.

Глава 2

Войдя в холл, Струге и Меньшиков тут же попали в поле зрения заполнивших зал людей. Судя по всему, основное действие происходило на каком-то из верхних этажей, так как на первом суетились молодые сотрудники. Окинув их взглядом, Струге сразу понял, что перед ним оперативники из уголовного розыска.

– Куда вы направляетесь? Ваши документы?

– Мы судьи, – ответил Антон, вынимая из кармана удостоверение. – А направляемся в свой номер. Если позволите, конечно...

– На каком этаже вы проживаете? – не унимался сыщик лет тридцати на вид. Из команды внизу он, вероятно, был старшим.

– На десятом, – не глядя на чересчур серьезного оперативника, Струге обошел его и направился к лифту.

– Вам придется подождать, – заметил парень. – Туда нельзя. Что в сумке?

Антон насупился. Он не знал, каковы взаимоотношения между различными ведомствами в столице, но то, что в остальных субъектах Федерации милиционеры с судьями так не разговаривают, было ему известно наверняка. Впрочем, может быть, он зря на Белокаменную грешит. Возможно, что Струге был первым из судей, с кем пришлось столкнуться этому молоденькому сыщику? Как бы то ни было, судья Струге прекрасно знал свои права. Плох тот доктор, что не может излечить самого себя, и плох тот судья, который не может защитить свою честь. Глянув удивленным взглядом на Меньшикова, который уже начал расстегивать «молнию» на сумке, Струге остановил его движение рукой и наклонился над парнем. Ему это удалось легко – сыщик, несмотря на свои восемьдесят килограммов веса, имел рост чуть более ста шестидесяти сантиметров. Этаким решительно настроенный толстячок из мультфильма «Следствие ведут Колобки»...

– Я подожду, когда мне придет это в голову. – Струге говорил тихо, наклоняясь над дерзким милиционером все ниже и ниже. – Уж не собираетесь ли вы мне дорогу преградить? Или вам еще раз продемонстрировать удостоверение? Вы успели прочитать мою должность или нет? Там написано – СУДЬЯ.

Толстячок действительно первый раз сталкивался с судьей в быту...

– Ну и что? – сморозил он первое, что приходит в голову растерявшимся людям. – А если у вас в сумке взрывное устройство?

– Значит, вам не повезло, – усмехнулся Струге. – Я подорву его там, где захочу. Потому что вы в мою сумку нос не сунете. Права не имеете. Подойдите к своему старшему и расскажите об этом возмутительном случае. Он вам, для общего развития, даст что-нибудь почитать о судьях. Пойдемте, коллега...

Последнее относилось к Меньшикову. Уже в лифте тот признался:

– Черт, я растерялся. Кстати, спасибо, что выручил...

– В смысле? – не понял Струге.

– У меня удостоверения нет!

В ответ на изумленный взгляд Антона он пояснил:

– Дома, в Воронеже, забыл, будь оно проклято!.. У нас завтра судья в командировку в Москву летит. Я попросил, чтобы привез. Надо же так лопухнуться...

– А как же ты в гостиницу устроился?

– Здесь устроиться не в лом. Паспорт предъявляешь, и дело с концом. Черт, я не думал, что оно понадобится в первый же день...

Струге махнул рукой, сказав, что дело не в удостоверении, а в способности его владельца не позволять себя «щемить». Теперь хоть никто нигде не скажет, что судьи в гостиницу шли с

пивом. Если разобраться, то это самый настоящий детский сад. Судьи пьют пиво и водку так же, как и все нормальные люди. И так же, как всех ненормальных, злоупотребляющих этим, их могут отстранить от исполнения служебных обязанностей. Все зависит от степени любви к той же водке. В сумке – четыре бутылки пива. А разговоров будет, будто судья из Тернова шел впереди с полной авоськой «Столичной», а сзади него *корячился* под двумя ящиками пива судья из Воронежа. А кое-кто еще вспомнит, что они вели с собой в номер девок. На следующий же день распространится слух, что оба поймали триппер и в пьяном виде, обнявшись, прыгали с моста, в «ельцинских местах», в Москву-реку. А все потому, что – СУДЬИ. Именно по этой причине никто и никогда не видел, как судья Струге в Тернове покупает на улице пиво. Он делал это вечером и непременно у знакомого продавца. У того, который скорее умрет, нежели признается в том, что слышал когда-либо фамилию Струге.

И уж совсем не хватало, чтобы в сумке судьи рылись чьи-то руки. Если у российских судей еще и остались какие-то привилегии, так это – уважение к самому себе. К своей работе, правам и обязанностям. Так что пусть толстяк утрется. Еще никто никогда не вставал на пути Струге подобным образом.

Колобок сказал, что «туда», то есть на десятый этаж, где устроился Струге с Меньшиковым, «нельзя». Значит, что-то случилось именно на том этаже, на котором расселяют командированных на учебу судей. Им выделены десятый и двенадцатый этажи.

– И именно – на десятом!! – вырвалось у Струге. – Не на пятом или одиннадцатом! На десятом! На моем!..

Меньшиков, естественно, понятия не имел, что, произнося эти слова, звучащие, как проклятия, Струге вспоминал Пащенко. Поэтому и отреагировал, как дилетант:

– Да ладно... Мы-то тут при чем? Пусть землю роют...

Едва они появились в коридоре этажа, как к ним навстречу бросился незнакомый мужик в стильном костюме. Понимая, что милиция внизу не пропустит никого из посторонних, он предположил в солидном Струге самого главного из тех, кто сейчас распоряжался на этаже. Протягивая Антону какие-то бумаги с угловыми штампами, мужик торопился за судьей и тихо бормотал:

– Вот, посмотрите! Договор с районным отделением милиции об охране! Инструкция дежурным по этажам о недопущении в номера посторонних! Посмотрите, все расписались в ознакомлении! Я показал это начальнику следственной группы, а он, простите, схамил! Представляете, говорит: «Засунь все это в...»

Струге остановился:

– Я не имею к руководству над следственной группой никакого отношения.

Мужик исчез.

Подходя к единственной открытой двери в коридоре, Антон почувствовал, как сердце стало биться чуть более учащенно. Эта дверь была ему знакома. Утром ее никак не мог открыть неизвестный нервный мужчина. Струге отметил тогда, что в мужчине угадываются некие флюиды, свойственные членам судейского сообщества.

– Кто вы?

Перед Струге и Меньшиковым возник седоватый следователь прокуратуры. Сомневаться в этом не приходилось. На нем была синяя форма с погонами, на которых красовалось по два просвета и две больших звезды. В одной его руке была авторучка, во второй дымилась сигарета.

– Я судья Струге, из Тернова. Это – судья Меньшиков, из Воронежа. – Антон на недавно возникших правах нештатного лидера без задней мысли брал на себя ответственность за предоставляемую информацию. – Сегодня утром мы оба прибыли в командировку на учебу. Поселены в номер «тысяча двадцать четыре». Что здесь происходит, товарищ советник юстиции?

Следователь вздохнул:

– Происходят следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Ерунда какая-то, если учесть то, что мы находимся в гостинице МВД... В номере «десять семнадцать» обнаружен труп человека с огнестрельным ранением. А при нем – удостоверение федерального судьи Ленинского районного суда города Мрянска.

– Мило, – заметил Струге. – А что, собственно... Простите, а вас как зовут?

Седовласый выпустил дым и протянул руку. Перед Струге был старший следователь прокуратуры Москвы Выходцев Борис Сергеевич. Теперь, когда знакомство состоялось, Антон попросил разрешения взглянуть на труп. Ему не давало покоя воспоминание об утреннем недоумении в коридоре.

– С удовольствием, – следователь махнул рукой. – Я тут за гига с двух часов дня. Начальник ГУВД был, прокурор был. Все были. Кому надо и кому не надо. Одних лишь журналистов палкой внизу отгоняют. Все жаждут посмотреть на мертвого судью. Когда еще представится?..

Антон вошел в комнату – и вздрогнул. Перед ним, на полу, лежало бездыханное тело мужчины средних лет. Под дубленкой был виден дорогой строгий костюм темно-серого цвета. Белая рубашка, заляпанная на воротнике кровью, гармошкой собралась на груди. Галстук был отброшен в сторону и лежал на плече. Обычный пистолет, коим вооружены в России все силовые структуры, был стиснут в руке, как для стрельбы. Затвор «макарова» замер в крайнем заднем положении, а зияющее отверстие в рукоятке говорило о том, что магазина в момент выстрела не было. Был один патрон, который и позволил неизвестному судье из Мрянска переступить черту, разделяющую жизнь и небытие.

– Самоубийство? – глядя в закатившиеся глаза трупа, Антон искал ответ на свой вопрос.

Меньшиков не выдержал и вышел в коридор. Прижимая сумку к груди, он искоса смотрел на капли крови на полу комнаты.

– Восьмой по счету вопрос за сегодняшний день, – признался Выходцев. – И даю восьмой на него ответ – глубокие сомнения терзают мою душу. Вы до судейства кем работали?

Струге приблизился к трупу, неожиданно наклонился к мертвому лицу и втянул носом воздух. Выходцев, удивленно сдвинув брови, погасил улыбку. Незнакомый судья изо всех сил хотел помочь следствию и старательно играл роль Эркюля Пуаро.

Между тем Струге встал и вернулся на свое место.

– Это не самоубийство. – Потом, словно спохватившись, повернулся к Выходцеву: – Кем я работал? Следователем областной прокуратуры. Это убийство, Борис Сергеевич. И действовал тут либо новичок, либо профессионал, который хотел, чтобы вы догадались, что это замаскированное под суицид убийство. На лице трупа нет следов от несгоревшего при выстреле пороха. Потом, такое самоубийство предполагает наличие ожога на лбу от пороховых газов. Нет ни того, ни другого. Стреляли с расстояния в метр. Если, конечно, он застрелился, нажав на спусковой крючок большим пальцем ноги, тогда версия о суициде имеет право на жизнь. Но если учесть, что после выстрела этот парень должен был обуться, взять в руку пистолет, лечь на спину, и лишь после этого *отойти*... На вашем месте у меня никаких терзаний не было бы.

– Еще и прицелиться нужно было, – неожиданно для всех произнес доселе молчавший паренек в прокурорской форме.

Он сидел в кресле, сжимая руками толстую кожаную папку. На нем, как и на Выходцеве, была форма. У него в отличие от старшего коллеги на погонах вместо больших звезд горели маленькие. Судя по тому, что ни его, ни вошедших друг другу не представили, присутствие последнего здесь если играло какую-то роль, то очень незначительную.

– Н-да... – после некоторой паузы заметил Выходцев, поморщился и тут же объяснил: – Типа стажер мой. Полгода, как с юрфака... Кому-то ведь нужно их учить?

В ответ на вопросительный взгляд Струге мотнул головой – «нужно». И лучше всего начинать не с простой «бытовухи», а с убийства судьи в гостинице МВД! Выходцев незамедлительно добавил:

– Виктор Петрович, почитай протокол осмотра.

Виктор Петрович, поправив на носу очки, стал читать. Пользуясь этой паузой, наполненной звонким голосом юного следователя прокуратуры, Выходцев приблизился к Антону.

– Вы когда въехали?

– В пять минут седьмого я вошел в гостиницу.

– Откуда такая точность?

– В холле, напротив входных дверей, электронные часы. Как на проходной завода. Трудно не заметить.

Задумчивый Выходцев покусал губу и тихо произнес:

– Убийство Владимира Игоревича Феклистова произошло где-то в это время.

Струге отвернулся к стене, уводя взгляд в сторону. Прав, сто раз был прав Пашенко, когда уверял по телефону о возможности наступить в чужое дерьмо! Струге наступил в него, не прошло и часа!

– В десять минут седьмого этот человек был еще жив.

Сказав это, Струге понял, что он из собеседника превращается в свидетеля по уголовному делу. Понял это и Выходцев. Перед следователем стоял человек, который последним видел Владимира Игоревича Феклистова живым. Последним из тех, кто не желал ему смерти. Возможно, не желал...

– И я с ним разговаривал.

Меньшиков дрогнул и сделал неловкое движение. Стекло звякнуло, но бутылки «Гессер» выдержали испытание. Отвернувшись от него, Выходцев взял Струге под локоть.

– А со мной вы не поговорите?..

Молодой следователь продолжал бубнить текст протокола осмотра. Под монотонное бормотание «студента» Струге рассказал все, что мог вспомнить из той, утренней встречи. Не забыл упомянуть о волнении покойного Феклистова и о том, как тот пытался упорно скрыть свое лицо, «открывая» дверь ключом от чемодана.

– То есть вы не видели лица? – нахмурился следователь прокуратуры.

– Я видел его в профиль и чуть сзади. Но могу поклясться, что это он. Лучше подумайте о мотивах убийства, следователь. Шансы для версии об ограблении – нулевые. Согласитесь, Борис Сергеевич, что гостиница МВД – не лучшее место для имущественных преступлений. Да еще таких, где возможно убийство. И объект преступления для этого подобран весьма сомнительный. Иначе говоря, Феклистова убили не из-за того, чтобы поживиться деньгами. Его, несомненно, заказали. Вот только исполнял заказ либо лох, либо случайно подобранный для этого кандидат. И заметьте еще одну вещь, Борис Сергеевич... Ваш молодой коллега сейчас читает протокол допроса. Слушая его краем уха, я делаю однозначный вывод о том, что и версия об ограблении уходит на задний план...

Выходцев заставил своего стажера прочесть абзац сначала.

– ...В левом кармане дубленки умершего обнаружено удостоверение судьи Ленинского районного суда города Мрянска на имя Феклистова Владимира Игоревича. В правом – связка ключей из трех штук. В левом внутреннем кармане пиджака – носовой платок синего цвета и пластмассовая расческа серого цвета. В правом внутреннем кармане пиджака – портмоне с дисконтной картой магазина «Мир электротехники», фотографией, на которой изображена женщина, и пятнадцать денежными купюрами номиналом в тысячу рублей каждая. На шее трупа обнаружена золотая цепь...

– Борис Сергеевич, кажется, вы попали в трудное положение. Версия об ограблении приказала долго жить!

– Вы сами что-нибудь понимаете? – Выходцев усмехнулся.

– Где его ключи? – спросил Антон, щурясь от дыма.

Струге рассмотрел связку и бросил ее на диван.

– Теперь я точно ничего не понимаю. А других ключей не обнаружено? А где вещи Феклистова? В номере нет его личных вещей?! Ни чистых носков, ни зубной щетки, ни валидола, ни одеколona?!!

Получив на все вопросы отрицательные ответы, Струге внезапно успокоился. Вникать в дебри этого расследования он не хотел и не имел права. Вздохнув, попрощался с Выходцевым и пошел вслед за Меньшиковым. Выходя из номера, он услышал, как следователь раздосадованно прервал молодого коллегу на фразе «над левой бровью трупа обнаружена дырка»...

– Дырка у тебя в заднице! Все остальное именуется отверстиями...

Струге улыбнулся. Ему очень импонировал этот пожилой следователь по фамилии Выходцев. Почему он нервничает? Да потому что Струге ушел! А когда судья был в номере, Борис Сергеевич впервые за это утро почувствовал, что туман стал рассеиваться.

Он не стал выходить, когда прибывшие по вызову «труповозы» уносили тело Феклистова. Не двинулся с кровати, когда слышал голоса удаляющейся к лифту следственной группы. И оторвался от журнала лишь на стук в дверь номера.

На пороге стоял Выходцев. Ни слова не говоря, он прошел к Струге, положил на стол визитную карточку и, многозначительно посмотрев на судью, протянул ему руку. Когда за прокурорским работником закрылась дверь, Струге в ярости метнул журнал в угол номера.

– Ты чего, Антон Павлович? – испугался Меньшиков.

– Ничего. Вспоминаю напутственные слова своего друга, которые он сказал перед моим отъездом.

– А что он сказал?

– «Сказался бы ты, Струге, больным, да не ездил бы никуда»...

– В чем-то он был прав, – хмыкнул Максим Андреевич. – Только тебе-то какое дело до этого убийства? Как открыли уголовное дело, так и закроют. Проще всего сейчас найти в деятельности этого мрянского судьи криминальный момент и списать все на самоубийство из-за приступа воспаленной совести. Ты что, что-то видел или слышал?

– Ничего я не видел и не слышал, – вздохнул Антон. – И не чувствовал, и не догадывался.

– Вот и успокойся. – Меньшиков встряхнул журнал и уткнулся в него.

Струге поднялся, молча достал две бутылки пива и сбил пробки. Отдав одну из бутылок Меньшикову, вернулся на свою кровать и сделал большой глоток.

Максим Андреевич крикнул.

– Зрение совсем ни к черту стало! Приходится носом по листам уголовных дел водить. Очки есть, но носить стесняюсь. Тридцать пять лет без очков, а вот за последние пять лет никак привыкнуть не могу. Линзы предлагали, да я вот думаю...

Этот бессмысленный разговор прервала с грохотом распахнувшаяся дверь. В номер самым бесцеремонным образом ворвалась администратор, за спиной которой, как насупленный пингвин, передвигался какой-то мужик с чемоданом. Искусно маскирующие свою любовь к пиву судьи из Тернова и Воронежа были «застуканы» на месте совершения «преступления» с бутылками в руках.

– Так, товарищи! Кто из вас Меньшиков? Вы? Очень хорошо. Вы говорили, что разнарядка из Воронежа должна прийти. Разнарядка не пришла. Второе место этого номера забронировано для судьи из Мурманска. Вы сами виноваты в том, что никак не можете договориться с начальством. Вам придется покинуть не только этот номер, но и гостиницу. Мест нет, а все свободные номера заполнены по разнарядке Верховного суда!

– Позвольте! – возмутился Струге. – Судья прибыл из Воронежа на учебу, как и все мы! Куда вы, на ночь глядя, собираетесь выкидывать человека?!

– Я ничего не знаю, товарищ Меньшиков, ваше место отдано, в соответствии с разнарядкой, товарищу Бутурлину...

– Черт! – перебил Струге. – Как при совдепе! Какая разрядка?! Нас уже приняли в Экономическое сообщество! Вы что, не в курсе?! Что за дурдом такой?

– ...Из Мурманска, – утвердила дама. – Я, конечно, сожалею, но в отличие от ваших судов, в которых даже в условиях процветающего Экономического сообщества не могут решить элементарную проблему вселения судьи, наша гостиница работает четко. Закон есть закон, не так ли, товарищи? Так где дурдом после этого?

Меньшиков попрощался и договорился с Антоном о завтрашней встрече в академии. Делать было нечего. Он покинул номер, оставив Струге один на один с новоиспеченным постояльцем.

– Я – Бутурлин, – буркнул тот и прошел к своей кровати. – Иван Николаевич. Отродясь не видывал таких пошлых номеров...

Глядя, как новый сосед выкладывает в тумбочку «Детское» мыло и зубную пасту «Жемчуг», тщательно расправляет на вывешенных в шкаф брюках складки, Струге подумал о том, что сбываются все его худшие опасения. К нему в соседи попал брызга и фраер. А как хорошо все начиналось...

– Кого здесь уже успели «замочить»? – не глядя на Антона, поинтересовался Бутурлин. Не дожидаясь ответа, задал второй вопрос: – В номере клопы есть?

После этого дуплета Струге понял, что «лучшие» моменты его пребывания в столице еще впереди.

Глава 3

Между тем Бутурлин проверил ванную.

– Как в море, – констатировал он, выходя и выключая свет. – Кафель на полу, кафель на стенах. А вот занавесочки для душа нет. Свинство.

Думая о том, как поменять номер, Антон потягивал пиво и листал журнал. Он уже понял, что им двоим в одной комнате не ужитья и часа. Впереди – вечность, целый месяц. Если ничего не изменится, Струге вернется в Тернов невростеником.

– Вы обратили внимание, коллега? – продолжал досмотр Бутурлин. – В номере напротив стоит телевизор «LG»! А у нас – занюханный «Рубин». И кровать моя расположена изголовьем на север. Так и до мигрени недалеко. Вы не будете возражать, если я ее разверну?

– Может, будет проще не мебель вертеть, а лечь головой на юг? – Антон чувствовал приближающуюся изжогу и поторопился запить ее «Гессером».

– Ерничаете, а напрасно, – заявил Бутурлин. – Во всем должен быть порядок. Если у кровати изголовье определено, то это – изголовье, а не наоборот. Я почти уверен, что наши постели расположены в зоне отрицательного воздействия. Это определяется просто. Все помещения разделены на зоны. К примеру, кошка всегда ляжет в ту зону, где человеку спать не рекомендуется. А где в пустой комнате расположится для сна собака – там и необходимо организовывать место для сна.

– Надеюсь, вы не собираетесь привести сюда собаку? – В номере было душно, и Струге обмахивался журналом. Над журналом сверкали его глаза.

Бутурлин не замечал этого блеска, так как был занят перемещением своей кровати. Закончив пертурбации, он отнес ботинки в прихожую и уже оттуда гаркнул:

– Вот у вас, коллега, в зале заседаний, у какой стены расположен стол? У восточной или западной?

– У меня астроябля сломалась.

Бутурлин вернулся в комнату:

– Непременно у западной должен стоять. Не знаете, здесь столовая есть?

Появление Бутурлина отвлекло Струге от размышлений об убийстве. В гостинице уже давно не было милиции и прокуратуры. Труп увезли, и вместе с ним исчезло состояние нервозности у всех постояльцев. Феклистова до этого момента никто из них не знал, и никто никогда не видел. Поэтому Струге был единственным, кто думал об этом странном убийстве. Оно на самом деле было необычно.

Антон вдруг вспомнил слова Выходцева о том, что смерть Феклистова наступила в период с шести до семи часов утра. Вряд ли столичный эксперт мог ошибиться в определении наступления смерти на два часа. Можно не сомневаться – матерый эксперт без хронометра и вскрытия назовет вам момент убийства с разницей в полчаса-час. Выводы эксперта по определению времени наступления смерти в таких случаях безошибочны. Если бы Струге поднялся в номер пятью минутами раньше, то возможность встретиться с мрянским судьей была бы нулевой! Но Струге увидел убитого последним! Вот то, о чем перед отъездом говорил Вадим Пашенко!!

Антон бросил в ноги журнал и уткнулся взглядом в соседа. Поняв, что Струге не расположен к разговору, тот улегся на кровать и взял в руки журнал. Тот самый, что совсем недавно читал Меньшиков...

При воспоминании о бывшем соседе Антон вновь почувствовал тоску. Ну кому было нужно поменять Максима Андреевича на этого Ивана Николаевича?! Когда со Струге происходило нечто подобное, он всегда признавался самому себе в том, что совершил какой-то грех, за который и расплачивается. Силясь вспомнить свои возможные проступки, он окончательно

уверился в том, что дуреет прямо на глазах у самого себя. Бутурлин довел его до прострации в течение нескольких часов. И сейчас тот с чувством исполненного долга лежит и читает журнал. Антон оценил его внимательным взглядом...

Пузатый коротышка, чем-то напоминающий милиционера, с которым Антон столкнулся сегодня днем в холле гостиницы. Залысины на лбу и огромные, бесцветные глаза, кажется, никогда не меняющие своего недовольного выражения. Струге вздохнул. Этот новый сосед оказался полной противоположностью предыдущему. Единственное, что их роднило, это плохое зрение. Однако и тут они разнились. В отличие от Меньшикова, который стеснялся носить очки, Бутурлин постоянно перемещал на своем носу огромные выпуклые линзы в роговой оправе. Такие очки Струге последний раз видел на своем преподавателе математики, когда учился в пятом классе. Вспомнив это, Струге вспомнил и другое.

«Этого преподавателя осудили за педерастию как раз в конце того учебного года...»

Аналогия вызвала приступ изжоги.

– Ма-а-ать моя... – Струге поднял глаза вверх и опустил на горячий лоб ладонь.

– Вы правы. – Бутурлин поймал взгляд Антона. – Удивительно засранный потолок. В последний раз его белили, наверное, два года назад.

Очкастый нытик-толстячок, похожий на постаревшего Винни-Пуха. Это то общество, на которое был обречен терновский судья на ближайшие тридцать дней. Первый вопрос, который он завтра задаст руководителю обучения в академии, – можно ли закончить курс экстерном. Не в силах больше терпеть, Струге поднялся и принялся натягивать кроссовки. Он собирался не на улицу, а в коридор. Ткнуться в первую попавшуюся дверь десятого этажа и с кем-нибудь познакомиться. Не может быть, чтобы в десятке комнат, расположенных на этаже, не нашлось ни одного мужика, с которым можно было бы поговорить о футболе или просто покалякать по душам!

Очередная просьба соседа догнала Антона уже на выходе.

– Спросите, пожалуйста, чем они заправляют салаты. Как покушаете, расскажите об ощущениях. Если в желудке не будет неприятных ощущений, я, пожалуй, тоже спущусь.

От возмущения Струге замер и потерял дар речи. Внезапно его осенила мысль.

– Вы лежите, Иван Николаевич, отдыхайте после дороги. Если хотите, я вам чего-нибудь принесу.

– Не забудьте взять у кассира чек. Я не собираюсь оплачивать то, за что обязан платить Судебный департамент. Мы в командировке, Антон Павлович, правильно?

Сунув руки в карманы спортивных брюк, Струге с гримасой раздражения шагнул по коридору.

– Чек ему принести! Ни тени смущения от того, что мужик предложил ему принести ужин в постель! Вот стерва, а?! Посмотрит, не загнусь ли я от язвы после ужина, а потом решит – идти ему самому или нет!..

На секунду задержав взгляд на двери Феклистова, он сбавил шаг. Еще утром живой человек пытался открыть дверь в свой номер и совершенно не думал о том, что уже через несколько часов его тело ляжет на ледяной кафель городского морга. Опять вспомнился Пашенко со своими нравоучениями. «Не вляпайся в какое-нибудь дерьмо, Антон!»...

Антон миновал коридор и уже протянул руку к кнопке лифта, как вдруг почувствовал внутри себя легкий толчок. Искра слабого электрического разряда прошла сквозь голову и затухла где-то в позвоночнике.

Быстрее! Быстрее отсюда!.. Нужно как можно быстрее убираться с этого места!

Струге понял что-то, идя по коридору! Что же он понял?!

Чертыхнувшись, Антон догадался, что уже никуда не поедет. Лифт прибывает и, не дождавись его, вновь захлопнет двери. А он, Струге, будет стоять рядом и думать – что за

догадка обожгла его мозг в тот момент, когда он приблизился к лифту. Он думал о Феклистова. Дорогой галстук спокойных тонов да засохшая кровь на воротнике рубашки...

Очевидно, кто-то вызвал уже поднимающийся с первого этажа лифт, так как на середине пути он впустил внутрь себя людей. Еще мгновение – и он вновь закричал тросами. Лифт в гостинице МВД двигался очень медленно...

Повернувшись к дверям спиной, Антон сделал шаг и вдруг уперся взглядом в красный застекленный ящик...

«ПГ-3» – красовалось на его стекле. А внутри – свернутый в бухту жесткий пожарный рукав...

В голове Струге, словно при скоростной перематке, все события стали повторяться в обратной последовательности. Вот он, поздоровавшись с Меньшиковым, спиной вперед выходит из номера и двигается по коридору...

Останавливается около мужчины в дубленке, старательно пытающегося открыть дверь номера ключом от кейса, потом отходит от него и опять спиной вперед идет к лифту...

Подходит к лифту...

В этот момент с грохотом разъехались в стороны двери лифта. На этаж прибыли посетители. Бросив любопытный взгляд на замершего в коридоре Струге, они прошествовали мимо. Двери закрылись, а Антон с едва заметной усмешкой продолжал стоять и смотреть на красный застекленный ящик пожарного гидранта.

Струге вспомнил, что заставило его вздрогнуть перед самым лифтом.

Не понял и не догадался. Именно – вспомнил.

Дождавшись, пока приезжие войдут в свой номер, Антон шагнул к ящику с рукавом и распахнул его...

Глава 4

Распахнув обе створки высоких дверей, мужчина прошел в комнату и рухнул в кресло. Пробовал прикурить – колесико безвольно чиркало по кремню и выпускало над никелированным корпусом «Зиппо» лишь струйки дыма. Человек бросил зажигалку в стену. Следом полетела так и не прикуренная сигарета. Глядя на отломившуюся крышку дорогой зажигалки, мужчина нервно хрустел пальцами. До этого момента он даже не подозревал, что способен на такие проявления ярости. А нервничать и бесноваться было от чего...

Рядом стоял молодой парень с тугим хвостиком собранных на затылке волос. В отличие от своего босса он не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Единственное, что его удивляло, был гнев хозяина. Казалось, шеф только что побывал на аукционе Сотби, и у того прямо из-под носа какой-то ловкач выхватил полотно Ван Гога.

Мужчина никак не мог успокоиться. Тогда парень подошел к столику и на четверть наполнил стоящий на нем стакан коньяком. Не дожидаясь, пока тот поставит бутылку на место, мужчина вырвал ее у него из рук и долил стакан до краев. Его рука слегка дрожала, когда он, словно газировку, пил сорокадвухградусный напиток. В стену полетел стакан, но это было последним проявлением гнева.

– Саша, позови сюда Комика.

Парень качнул головой и вышел.

Мужчина сидел, крутил в пальцах бахрому скатерти и думал о том, как один-единственный поступок идиота может превратить в тлен комбинацию, разрабатываемую несколько месяцев. То, что по крупницам выстраивалось в небоскреб, над чем работал его изодранный мозг, может рухнуть из-за одного секундного действия, которое, не подумав, совершит дурак.

А вот и шаги за дверью...

В просторную залу вошли двое. Парень с пучком волос и невысокий мужчина. На вид последнему было около сорока лет. Подтянутый живот, широкие плечи, сильные руки. Все в нем выдавало спортсмена. С точки зрения знавших его женщин, Игорь Ремизов был восхитителен во всех отношениях: щедр, сексуален, силен и артистичен. По мнению его босса – Михаила Юльевича Лисса, Ремизов был жаден и опасен. За деньги Комик мог убить любого. Кто его жертвы и чем они занимаются, Ремизова-Комика совершенно не интересовало. Он служил у Лисса, как в коммерческом офисе. Иногда он выезжал в командировки, бывало, что работать приходилось и по ночам. Комик всегда оправдывал ожидания патрона. Проблема же была в том, что Ремизов был до изумления жаден. Уже не раз до Лисса доходили слухи, что Комик пожинал там, где не сеял. Все бы ничего – участие в команде Лисса предполагало именно это, но «жал» Комик там и тогда, когда и где этого делать нельзя было ни при каких обстоятельствах. Выполняя заказы Лисса, он не брезговал ничем. Мог вывернуть карманы жертвы, снять золотую цепь, выпотрошить его гардероб.

Лисс пальцами вытер скопившуюся в уголках рта в момент гнева слюну и поднял глаза на стоящего перед ним крепкого мужчину. Тот, слегка волнуясь, ждал разноса. Он его заслужил. Настораживала и бутылка коньяка рядом с хозяином. Ремизов знал, что Лисс пьет только в двух случаях: при глубоком нравственном удовлетворении и во время сокрушительных поражений. Удовлетворением в комнате и не пахло.

Комик знал, что из того, что ему поручалось, он не выполнил ни единого пункта. Все, что нужно было сделать, – сидеть и ждать на этаже, неподалеку от дежурной, в этой дурацкой камуфлированной форме охранника гостиницы и вести с бабой бестолковый разговор. Потом, когда из номера 1017, где проживал судья Феклистов, выйдет Лисс, посмотреть на знак, который он подаст. Если Лисс нашел документы, то спокойно вернется в свой номер. Теперь оста-

нется лишь страховать шефа, чтобы как можно дольше не обнаружили труп судьи. Для того Комик и устроен неделю назад в эту гостиницу.

Если же Лисс даст команду на действие – входить в номер и искать документы до тех пор, пока не найдет. В это время шеф будет баюкать внимание своего соседа.

Но случилось непредвиденное. Документы не нашел Лисс, не нашел и он, Ремизов. И сейчас не стоит сомневаться в том, кто станет крайней фигурой при поиске виновного. Лисс знает наверняка, что документы при судьбе. Значит, они должны были быть в номере. Но Комик может поклясться, что их там не было.

В принципе за собственную легенду и алиби Лисса можно было не беспокоиться. Игорь Ремизов, он же Комик, был устроен в охрану гостиницы «Комета» неделю назад с хорошими рекомендациями. Офицер, ветеран первой чеченской войны. Его присутствие в гостинице, понятно, никого бы не удивило. Напротив, осмотр этажей является одним из пунктов его служебных обязанностей. В пять часов утра прибывал поезд, который привозил некоего Струге из Тернова. Выбор пал на этого судью потому, что именно ему было зарезервировано еще два дня назад место в номере «1024». Второе место в этом номере предназначалось еще одному правоведа по фамилии Бутурлин. Но тот прибывал только вечером. Все остальные места на десятом, «судейском» этаже были заняты.

И теперь... Он не нашел документов. Их не оказалось ни на теле судьи, ни в номере. И сейчас, стоя перед Лиссом, ветеран первой чеченской войны размышлял о том, во что это может ему обойтись.

Между тем Лисс вытер пальцы о платок и поинтересовался:

– Ну, как шло дело?

У Комика на лбу пролегли морщины недоумения.

– Вы же сами все знаете...

– Я вижу лишь итог. Поэтому и спрашиваю: как дело шло. Какие были непредвиденные обстоятельства, как исполнялись инструкции?

– Я поднялся в номер судьи... Вошел и стал осматривать помещение. Согласно инструкции.

– Дальше.

– Дальше... я вышел из номера.

– Все?

– Все.

– Где документы?

Комик стоял и лихорадочно думал о том, как собственный страх можно обосновать формальными обстоятельствами.

– Я не сумел взять документы... То есть, Лисс... Их не было. Я их не нашел.

Лисс, взявший в руку новый стакан и уже потянувшийся было к бутылке, разжал пальцы. Глухо стукнув о дубовый паркет, стакан покатился, брэнча своими гранями.

– Что... Что ты сказал? Еще раз объясни мне – где... документы?

– Лисс, – поспешил объяснить Комик, – никаких бумаг в номере Феклистова не было! Обшарил каждый угол! Я даже в люстру заглянул!! Их не было и в карманах у судьи...

Произнеся «их не было», Ремизов испугался собственных слов. А когда он увидел лицо авторитета, осекся окончательно. Глаза Лисса смотрели на него с каким-то подозрительным и двусмысленным оловянным блеском.

– А что значит – «не было»? – Голос хозяина был глух, как заржавевший пионерский горн.

– Черт, да как объяснить-то?! Их не было в номере!! Ты сомневаешься, что я мог лохануться и не найти бумаг?!

В голове Михаила Лисса вновь вспыхнул пожар. Секунду назад он едва смог подавить в себе желание встать из кресла, выдернуть из-за пазухи парня с косичкой тяжелую «беретту» и разрядить весь магазин в голову этому гнусному Ремизову. Вызывая Комика к себе на разговор, он хотел отчитать его за то, что тот, вопреки всем указаниям, прибыл не сразу, а ждал вызова. Но это было мелочью по сравнению с тем, о чем Лисс узнал сейчас. Сколько времени ушло на то, чтобы выследить место, куда убыл из Мрянска Феклистов?! Полторы недели! Этот судья мотался по городам и весям, скрываясь от Лисса, целых десять дней, хотя еще неделю назад было известно, что всплывет он именно в Москве, и именно в этой, от подвала до крыши «замусоренной» ночлежке!.. Еще несколько дней ушло на то, чтобы устроить «мокрушника» Ремизова в охрану гостиницы. Пусть он жаден, но дело свое знает и в любой момент может подстраховать! Возможно, подстраховать так, как это не способен сделать даже Саша!..

Но сейчас, когда Комику нужно было сделать одну простую вещь, выясняется, что этот мясник, незаменимый, когда нужно отстреляться от взвода омовцев, не способен найти бумажки в двухместном номере. Зная о сложности дела, Лисс выполнил все трудное и рискованное сам, доверив Ремизову лишь войти в номер и забрать бумаги. И он этого не сделал...

И теперь вместо чувства облегчения к прежним проблемам добавилось подозрение на то, что совершенно посторонний человек, какой-нибудь славный мужик, найдет то, что ему не принадлежит! А что сделает законопослушная горничная или дежурная по этажу ведомственной гостиницы МВД, если найдет документы?! Неужели сожжет?! Черта с два! Эти милиционерские пенсионерки тут же «солят» бумаги своим молодым коллегам! И можно не сомневаться в том, что те, в свою очередь, мгновенно свяжут их обнаружение с убийством судьи в номере напротив.

Ремизову можно было простить все. Как бы то ни было, второго такого найти трудно. Лисс сам виноват. Каждому из подчиненных следует ставить те задачи, которые тот способен выполнить. Надежды не оправдались. И в этом нет вины Ремизова. В горячке Лисс поставил не на того. А ведь Бес предупреждал... У каждого человека есть собственный, карманный оракул. У Лисса им был Саша.

Карточный домик пошатнулся. Кто мог предположить, что этот дефективный оставит документы, из-за которых, собственно, все и началось, в двух шагах от места убийства, и не принесет их, как договаривались, к месту встречи?!!

Лисс подытожил:

– Ладно. Что сделано, то сделано. Саша отвезет тебя на Рублевское шоссе. Отдохни, попей пивка. Саша девочку тебе привезет. Какую девочку хочешь, Игорек? Косоглазенькую? Совсем молоденькую? Привезет Саша тебе маленькую, пухленькую... Только неделю носа из дома не показывай. Понял?

Парень с хвостиком встретился с глазами Лисса...

– Я все сделаю.

– Да, сделай. Привези Игорьку девочку-китайночку... Игорь, ты иди, а мы тут с Сашей померкуем, как твою ошибку исправить...

Дом, в который они прибыли сорок минут спустя, располагался в самом центре новостроек Рублевского шоссе. Вотчина «новых», перекарасившихся «красных» и доживающих свой век непоколебимых «старых».

Скромный – по меркам возвышающихся рядом трехэтажных дворцов, напоминающих замки.

Но Лисс был мудр, как сова. Поэтому его дом всегда вызывал жалость у шикающих неподалеку. Там, где жалость, нет желания подсуропить. Именно поэтому дом Лисса был, наверное, единственным, который не вызывал интереса ни у братвы, ни у милиции. Даже здесь, среди небоскребов местного масштаба, хозяева которых мучаются от того, что им больше нечего

желать, работает старое русское чувство – «не тронь убогого и нищего». Лисс, со своим «дачным участком», считался в этом районе Рублевского шоссе именно таковым. Собственно, считался не Лисс, а виртуальный Конопулос, грек по национальности, на чье имя и был зарегистрирован «скромный» домик. Смешно, но именно это качество позволяло нынешнему торговцу, коим и являлся виртуальный Конопулос, творить на своем участке чудеса. Его двухэтажную «хибару», которую и разглядеть-то толком нельзя было из-за высоких особняков, словно отделяла стеклянная стена. И не простая стена, а волшебная. Подходившие к ней налоговые инспекторы, случайно забредший РУБОП или участковый вздохнули, качали головой в досадном понимании того, что «ловить тут нечего», и уходили. Однако именно здесь, за этой стеклянной стеной, под сводами аккуратной крыши из зеленой черепицы, при желании можно было ловить и ловить.

Лисс жертвовал малым во имя основного. В особняке постоянно жили двое проходимцев. Ели, смотрели телевизор, спали, играли в карты и пили. Когда люди Лисса привозили к ним в гости кого-то из его окружения, это был знак, что пьянку на время придется прервать. Все мероприятия по уничтожению гостя и его полному исчезновению с планеты Земля они планировали сами. Заранее были распределены и роли.

Резали своих «баранов» Чирей и Боль обычно в ванной комнате. Лишенные остальных радостей мировой цивилизации, двое отморозков свои упущения добирали в *этом*. Жертва с вечера опаивалась, поэтому понимание того, что она – жертва, приходило лишь на следующее утро. Как раз в тот момент, когда оказывалась в ванной комнате, от пола до потолка выложенной голубоватым кафелем. Трудно было поверить в то, что совсем недавно она пила с двумя веселыми братками водку, а сейчас сидит, примотанная скотчем к тяжелому стулу...

Они на самом деле каждый раз ждали того момента, когда будущий мученик полностью придет в себя. Их задача проста, хоть и неприятна. Выведать у жертвы все, что она не смогла сказать Михаилу Юльевичу в добровольном порядке. Когда же эта часть операции была выполнена, «информатор» уничтожался самым доступным способом. Эта часть операции была полностью отдана фантазии двоих мясников. А способ уничтожения тел был стар как мир. В подвале дома стояла большая медная бочка с соляной кислотой. Для того чтобы смрад растворяющегося тела не будоражил обоняние жильцов соседних домов, Лисс велел установить в подвале кондиционеры. Когда кислота закончилась, Саша, правая рука Лисса, подсказал такой же простой, хотя и менее эффективный способ. Вместо кислоты стала использоваться негашеная известь. За сутки насыщенный раствор превращал труп в покореженный скелет. Кости Боль раздалбливал в металлической ванне, после чего выносил остатки в целлофановом пакете на улицу. Цех по уничтожению действовал уже целый год.

Когда-то их подобрал Лисс. Склад его ума позволял усмотреть в каждом человеке особую ниточку. И время от времени дергать за нее для пользы дела. Умение подбирать выброшенный людской материал на помойку и безошибочно применять его на практике позволило Лиссу использовать себе во благо не только Ремизова и этих, проклятых жизнью людей, но и многих остальных, что трудились под его началом и за страх, и за совесть.

Лисс дал работу двоим отморозкам и поклялся самому себе, что никогда более не зайдет в свой же дом на Рублевском шоссе. Он был тогда и остался сейчас очень щепетильным в этом отношении человеком...

Итак, тело, точнее – его фрагменты, укладывалось в ванную с джакузи, засыпалось несколькими ведрами негашеной извести и заливалось водой. Боль выходил последним. Он включал мощную вытяжку и выключал свет. Утром он вернется, чтобы спустить в канализацию воду и вынуть останки. А Чирей вымоет ванну и уничтожит все следы.

Вот в это милое заведение, именуемое загородным домом Лисса, и доставил Комика Саша – верный во всех отношениях своему хозяину человек. Саша знал, *зачем* привез Ремизова. А Ремизов об этом даже не догадывался.

Глава 5

Когда Антон Павлович Струге пешком спускался в гостиничную столовую, в кармане его спортивной куртки лежал тугой бумажный сверток, перетянутый бечевой. Его судья обнаружил в рукаве пожарного гидранта, когда осматривал ящик. Именно от этого ящика отшатнулся Феклистов в тот момент, когда Струге вышел в коридор десятого этажа из лифта. Для того чтобы вспомнить это, Антону пришлось вновь оказаться у лифта. В тот момент, глядя в спины удаляющихся по коридору двоих мужчин, Струге вспомнил отчаянный рывок Феклистова к двери номера. Потому тот судья и путал в руке ключи. Он волновался оттого, что Струге мог заметить ящик. И чем больше навязывался ему со своей помощью Струге, тем сильнее Феклистов нервничал.

Струге не знал, что за документы скрывает плотная оберточная бумага, но одно ему было понятно со всей очевидностью. Они посланы в гостиницу из Мрянска, на это указывал почтовый штемпель. Не было обратного адреса, зато в графе «Кому» значились данные усопшего судьи.

Феклистов был напуган. Он боялся, что документы попадут в чужие руки. Антон понимал, что нужно срочно вызвать следователя Выходцева в гостиницу и передать ему обнаруженные документы. Струге, конечно, выслушает упрек в том, что вынул найденный сверток с грубейшими нарушениями закона. Однако не будет ли оправданием такого поступка опасение за то, что этот пакет мог исчезнуть? Уже нет сомнений в том, что Феклистов получил пулю в лоб именно за этот сверток.

«Я правильно сделал», – окончательно решил Струге, входя в двери под вывеской «СТОЛОВАЯ».

Предупреждения Бутурлина были небезосновательны. Он хорошо знал предмет, о котором рассуждал. В ноздри судьи мгновенно ударил запах подгоревшего, а до этого момента уже дважды использованного подсолнечного масла. Столовая была практически пуста. Ее могильную тишину нарушали лишь люди за двумя столиками. Четверо постояльцев, не знавших о том, что «котлеты здесь жарят на керосине, а поливают отработанным машинным маслом».

Струге еще раз втянул в себя воздух.

– Да, это то, что нужно... – пробормотал он и шагнул к стойке. – Мне, пожалуйста, вон те две котлеты, которые покоятся на противне!

Одна из поварих вплотную придвинулась к Струге и шепнула:

– Не советую, это вчерашние. Возьмите лучше минтая или тефтелей.

Струге хищно улыбнулся:

– Нет, мне котлеток. А моего минтая снесите песику. Как думаете, эти котлеты достаточные для того, чтобы испортить настроение на пару дней?

После недолгих препираний, закончившихся фразой поварихи о том, что претензии по этим двум котлетам приниматься не будут, Струге уложил блюдо в картонную тарелку и выпросил у кассира чек.

– Только что с огня, – пояснил он Бутурлину, укладывая слегка раскисшую тарелку на тумбочку. – Я не удержался, четыре штуки съел.

– Однако... – заметил Иван Николаевич, рассматривая чек. – По двенадцать с полтиной за изделие!

– Не будьте скрягой, Бутурлин, – посоветовал Антон, пряча за обложкой журнала лицо. – Департамент вам возместит. Хотя я свой чек выбросил.

– Чек на полтинник? Могли бы и мне отдать.

– Вы что, на черный день копите, Иван Николаевич?

– Во всем всегда должен быть порядок, – произнес Бутурлин, укладывая чек в портмоне. – Если события происходят, то им должно быть логичное объяснение. Если я поужинал, то должен быть чек. Если совершено убийство, то обязательно будет существовать мотив. Судья, ветреный в жизни, поверхностен и на работе. Отрицая порядок в повседневной жизни, судья не сможет определить порядок на службе. Природа происходящих событий и объясненная их последовательность – основа основ работы судьи. Констатация явлений без жалости и страсти.

Ошарашенный Струге отложил журнал в сторону:

– Ваша честь, не вы ли минуту назад выпрашивали у меня чек на пятьдесят рублей, хотя котлеты, которые вы сейчас поедаете, стоят вдвое дешевле? По-вашему, подтасовка чеков в бухгалтерии – объясненная последовательность произошедших событий без жалости и страсти?

– Очередное проявление недалёковидности, – заметил, мерно двигая челюстями, Бутурлин. – Завтра я пообедаю в городе. А эти расходы мне никто не оплатит. Понимаете мою мысль?

– Понимаю. Пользуясь вашей логикой, после первой судимости вора можно смело признавать его в приговоре особо опасным рецидивистом. Один ведь хрен, потом опять «сядет»...

Бутурлин не удостоил Струге ответом. Какой смысл продолжать дискуссию с этим простоватым судьей из богом забытого города Тернова? Бездарщина...

Девять часов вечера. Выходцев давно дома, пьет чай с овсяным печеньем и греет у обогревателя ноги. А домашнего телефона следователя у судьи не было. Впрочем, может, и был... Антон до сих пор не нашел визитку Бориса Сергеевича. Не нашел, потому что не искал. А не искал, потому что знал точно, где она лежит. В тумбочке. Странные какие-то здесь тумбочки. Без дверец.

В тот момент, когда он, включив маленькую лампу, решил разорвать бечевку, стягивающую сверток, он вдруг опять вспомнил слова Пащенко.

«Ты притягиваешь к себе неприятности, Струге. Не ступай в чужое...»

А пошло оно все к лешему!

Антон выключил лампу и откинулся на спину. Завтра он из академии позвонит Выходцеву, тот заберет у него сверток, и все закончится! Решено...

В два часа ночи Антон Павлович Струге почувствовал, как кто-то яростно трясет его за плечо. Оторвав голову от подушки, он уставился невидящим взором в темноту.

– Антон Павлович!.. Антон Павлович!.. Коллега!..

Струге с трудом разлепил веки.

– Вы что, Бутурлин, с ума сошли?!

– У вас нет таблеток левомецетина? Или чего-нибудь вяжущего?

– Нет! И не предвидится.

Засыпая под приглушенную возню коллеги в туалете, Струге спросил:

– Бутурлин, а правда, что в Мурманске, как и в Питере, белые ночи?

Ответом ему был странный звук. Казалось, за закрытой дверью кто-то мощной рукой разорвал пустой мешок из-под картошки...

Антон Павлович вышел из душа в прекрасном расположении духа. Выбритый, распространяющий чудесный аромат лосьона, он напоминал своим полуобнаженным видом спустившегося с Олимпа Аполлона. Полную противоположность ему представлял Бутурлин. Невыспавшийся, истрепавший себе за минувшую ночь все нервы, он был похож на Сатира после пьянки. Он одевался, сидя на кровати, исподлобья глядя на то, как Струге повязывает перед зеркалом галстук.

– Струге, вы накормили меня прошлогодними котлетами.

– А чего вы хотели за двадцать пять рублей? Кстати, где они?

– У меня мелочи нет, – буркнул Иван Николаевич. – Сегодня разменяю и отдам...

– Я пошутил, Бутурлин. Считайте это компенсацией за нравственные страдания. Мы в академию на метро поедим или у вас есть более дальновидный маршрут?

У стойки администратора Антон остановился:

– Скажите, а Максим Андреевич Меньшиков в гостиницу вернулся?

– Какой Максим Андреевич? Тот, что с вами в одном номере проживал?

Струге понял, что Меньшиков не возвращался. Но как же сотрудники гостиницы могли с ним так поступить? Он же не бродяга, в конце-то концов?! Меньшиков же судья!

– Вы в Москве ориентируетесь? – спросил Бутурлин, заходя в метро.

Поддаваясь течению толпы, двое судей старались держаться поближе друг к другу. Иван Николаевич никак не мог подавить обиды, поэтому его участие в скудных обменах репликами носило характер недовольного бурчания.

– Я лишь адрес знаю, – признался Антон. – Новочеремушкинская, дом 69.

– Слабовато для того, чтобы прибыть на учебу вовремя, – заметил Иван Николаевич. – Сейчас доезжаем до станции «Университетская», потом на сто тридцатом автобусе едем до двадцать четвертого микрорайона. Если повезет и не будет пробок, то успеем за полчаса...

Войдя в здание академии и раздевшись, Струге смахнул со стойки гардероба папку.

– Куда сейчас, Иван Николаевич?

Тот хмыкнул. Пусть я ночью и дал слабину, но сейчас, днем, ты, мил человек, будешь у меня на поводке. Возможно, в свою усмешку Бутурлин вкладывал иной смысл, но Струге понял его именно так.

– На второй этаж. Первая лекция по организационным аспектам становления судебной власти. Но сначала нужно зарегистрировать свое прибытие у академического куратора. Это на третьем этаже.

– Иван Николаевич, вы что, второгодник?.. Откуда все это знаете?

Толстячок не успел ответить: на этаже началось броуновское движение и приглушенные шепотки.

– Воронов... Воронов...

– Это кто? – толком не разглядев идущий строй людей, Струге наклонился к уху коллеги.

– Струге, вы на самом деле судья? – зашипел Бутурлин. – Это же Воронов!

Антон никак не мог связать воедино фамилию с должностью. Ситуация, когда он мог запросто дотронуться рукой до председателя Верховного суда, казалась нереальной. Между тем Воронов, улыбаясь и кивая всем головой, прошел мимо. Рядом с ним двигалось несколько человек в одинаковых костюмах и с совершенно идентичным выражением на лицах. Заметив в ухе каждого из них крохотные наушники, Антон автоматически перевел взгляд на топорщившиеся под мышками пиджаки. По телевизору Воронова Струге видел. Более того, читал определения Верховного суда с его подписью по вынесенным Антоном Павловичем приговорам. Однако воочию Струге видел его впервые.

– Иван Николаевич! На каком этаже, говоришь, куратор?

После первых знакомств, сбившись в единый ученический коллектив, российские судьи отправились в актовзый зал. Запланированная на первые два часа лекция переносилась на вторую пару. Приехал Воронов, желающий приветствовать учеников. Понятно, что сидеть и ждать два часа в окружении дюжины охранников, пока полусотня судей выслушает теорию организационных аспектов становления судебной власти, он не будет.

Поток человек в сто протекал в огромную аудиторию сквозь узкий канал дверей. Антон стоял неподалеку, вглядываясь в окружающих. Ему очень хотелось увидеть того, кого он высматривал, и сказать: «Здравствуй, Максим! Где же ты ночь коротал, дружище?» Но двери всасывали людской поток, и, чем меньше оставалось в коридоре народу, тем сильнее недоуме-

вал Антон. Последний из входящих, закрывая дверь, вопросительно посмотрел на Струге. Тот покачал головой и отшатнулся от двери. Судья из Воронежа Меньшиков на учебу не прибыл.

– Что за чертовщина?.. – Струге, растирая ладонью лоб, спускался по лестнице на первый этаж.

Максим Андреевич, оставшись без места в гостинице, видимо, провел ночь в другой. Именно – в гостинице, потому как родственников у него в Москве не было. Об этом он говорил и сожалел во время прогулки не единожды. Значит, он связался с руководством в Воронеже, понял, что помощи оттуда ждать не приходится, плюнул и возвратился домой по билету с открытой датой. Антон выдвинул эту версию на первый план, потому что он поступил бы точно так же. Плевать он хотел на Лукина и «лицо терновского правосудия», если уже плюнули на него!

– Как жаль... – вырвалось из уст Антона Павловича.

Коллектив судей уже слушал теорию становления судебной власти, а Струге интересно было иное. Ему вдруг пришло в голову, что содержание документов может поставить его в крайне неудобное положение перед московским советником юстиции Выходцевым. Он позвонит ему, сообщит о найденном пакете, и убежденный сединойми следователь примчится в академию сломя голову. А потом, вскрыв упаковку, он выяснит, что судья из города Тернова Струге «слил» ему инструкцию по пользованию средствами пожаротушения и опись имущества, находящегося в ящике пожарного гидранта. Выглядеть дураком в лице правоохранительных и прокурорских органов Москвы на второй день после прибытия как-то не хотелось.

Антон по старой школьной привычке прошел к туалету. Единственному месту, где во время прогула урока можно спрятаться с гарантией в девяносто процентов. Вошел внутрь кабинки. Не самое достойное место для изучения документов. Но другого помещения, где исключена возможность заглядывания через твое плечо, в этом здании не было. Не колеблясь ни мгновения, Антон Струге вынул из кармана пиджака сверток бумаг и одним движением сорвал бечеву. Когда обертка сползла с рулона, в руках судьи распрямился десяток свернутых в трубочку, распечатанных на принтере листов...

Глава 6

Боль исполнил роли и привратника, и зрителя в гараже. Едва «Мерседес» Беса, как все называли Сашу, въехал в ворота, он тут же закрыл их и, трусцой пробежав по двору, распахнул двери гаража. Пока Ремизов с Чирьем поднимались по крыльцу, знакомясь и похлопывая друг друга по плечу, Боль в гараже получал новые инструкции.

Неожиданно для всех Саша остался. Он никого не предупредил о своем намерении, но когда подошло время убывать, как он делал это во всех предыдущих случаях, помощник Лисса вдруг выдал:

– Знаете что, пацаны, я, наверное, откинусь здесь до утра. Шеф дал отгул за прошлое ночное дежурство.

Эта фраза всех развеселила. Больше всех радовался, не понимая, что происходит, Ремизов. На памяти был случай, когда Лисс, после аналогичного «прокола» нанятого для работы паренька, прострелил тому голову. Раз это не произошло сразу, значит, гроза миновала. Алкоголь, которого было в избытке, грел душу, и уже после пятой поднесенной рюмки Ремизов понял, что к жизни нужно относиться более терпимо. Она вся состоит из темных и светлых полос, чередующихся меж собой. Завтра все выровняется, гнев шефа уйдет в небытие, и мечта о девочках на Майорке вновь приобретет реальные очертания. Вспоминая о полосах жизни, постоянно меняющихся и придающих бытию неповторимость, Игорь Ремизов даже не подозревал, насколько близко он находится к истине. Если бы он изучал проблему не поверхностно, а вдумчиво, то смог бы понять, что после сегодняшнего веселья, наступившего сразу по окончании тревожного разговора с Лиссом, опять приближается кризис. Но он мешал водку, вино и коньяк, хохотал над примитивными анекдотами Чирья и совсем не обращал внимания на то, что Саша совсем не пьет...

Он очнулся в том состоянии, когда человек уже дает отчет происходящему без иллюзий и одновременно в голове бродит недавний хмель. Определить время было трудно. Но менее всего Комику сейчас хотелось справиться о времени. Глядя в напряженные лица троих недавних собутыльников, Игорь Ремизов вспоминал минуту, в течение которой он вчера потерял контроль над ситуацией. Скорее всего, она наступила в тот момент, когда Лисс отправил его на улицу, а Бесу приказал остаться для того, чтобы «померковать» над исправлением ошибки его, Комика. Ремизов знал о существовании дома на Рублевском шоссе, но не ведал о дальнейшей судьбе тех, кто в него прибывал. Именно поэтому был расслаблен и во время поездки на окраину города, и вечером, в доме.

Теперь же, глядя в лица Чирья, Боли и Беса, он уже не сомневался в том, каким образом будет исправлена его ошибка. Вряд ли трое взрослых мужиков, желая повеселиться, потратят уйму времени на то, чтобы так тщательно примотать четвертого к тяжеленному стулу, да еще и в ванной. И вряд ли они сидят на табуретках для того, чтобы повеселиться в тот момент, когда этот четвертый проснется и станет недоумевать по поводу собственного местонахождения. Ремизов помнил случай, когда пятеро мужиков совершенно аналогичным образом допились до безумия, после чего четверо по очереди оттрахали пятого. При этом ни один из них до этого не отличался нетрадиционной сексуальной ориентацией. Просто так получилось, елки-палки, ключница водку, наверное, делала...

Но эти трое напротив менее всего были похожи на невменяемых. Ремизов скосил протрезвевший взгляд в сторону и увидел маленький столик с лежащим на нем скальпелем. Удивительно, но когда его взору предстал этот страшный медицинский инструмент, он успокоился. Вся его дальнейшая жизнь теперь зависела только от него самого.

– Игорек, ты всех огорчил. – Это были первые слова Беса после пробуждения Комика.

Ремизов мгновенно заметил движение Боли, рукой потянувшегося к столику.

– Братва, зачем все это нужно? – И без того глухой голос Комика превратился в шипение пустого водопроводного крана. – Скажите, что я должен сделать, и закончим на этом. Какой смысл меня на ремни резать? Я не партизан и не Рихард Зорге. За идею не борюсь. Я с вами в одной упряжи. Бес, говори, что нужно!

– Это какой Зоркий? – Чирей изобразил на своем лице сомнение. – «Смотрящий» в Крестах?

Закрыв глаза от внезапно прихлынувшего ужаса, Ремизов вдруг подумал о том, насколько тупы двое, сидящие по обе стороны от Беса. Только теперь, когда он оказался в самой глупой из всех возможных ситуаций, ему и вчерашний юмор Чирья показался дебильным, и взгляд Боли не спокойным, а заторможенным. «Черт побери, – думалось Комику, – как он мог попасть в такую глупую ловушку?! Не успел прийти в себя после неожиданного помилования?»

Тем временем Саша повернулся к Чирью:

– Так, выйдите отсюда на пять минут.

Подождав, пока за ними закроется дверь, он приблизил свое лицо к Ремизову:

– Игорек, такое дело... Я не имею против тебя ничего личного. Более того, ты мне даже симпатичен. Занимаешься спортом, отрицаешь наркоту, не злоупотребляешь пойлом. Но пойми меня правильно, если ты не скажешь мне сейчас, где документы Лисса, я вынужден буду отдать тебя этим двум трупоедам.

– Бес! Черт меня побери, Бес!! Ты сам подумай – на кой мне эти документы?! Я даже представления не имею, как выглядел тот пакет и что за бумаги там находились!.. На хрена мне это нужно?!

– Видишь ли... – Саша пригладил на голове волосы и потуже затянул свой хвостик. Сейчас он был похож на Маклауда перед боем. Ремизову казалось – еще мгновение, и он вынет из-за пазухи свой самурайский меч. – У Михаила Юльевича есть все основания предполагать, что ты забрал документы и построил планы в реализации проекта, который у тебя неминуемо должен был возникнуть в голове сразу после прочтения бумаг.

– Бред какой! – поразился Ремизов, выдыхая в лицо Саше волну перегара. – Зачем мне эти дикие проблемы?! Пусть Лисс пошлет в номер человека, чтобы тот там еще раз все осмотрел!

– Глупость какая, – возразил Саша в тон собеседнику. – Их могли забрать менты.

– Тогда в чем же моя вина?!

– В том, что не нашел. Лично я так и считаю. Но Михаил Юльевич считает иначе. Он полагает, что ты затеял опасную игру. Ты же знаешь Лисса, он такой фантазер...

Ремизов истерично усмехнулся:

– Ты сам себя слышишь?! Это что – шутка?!

– Ты знаешь, Игорь, что с Лиссом не шутят. Ни у нас, в Мрянске, ни здесь, в Москве. Так что тебе лучше сказать правду...

– Саша... – На лице Комика застыла маска мучения. – Нет у меня документов, клянусь. Бес встал с табуретки.

– Чирей!

– Останови их! – взмолился Ремизов. – Не бери греха на душу!

– На мне столько греха, что – одним меньше, одним больше... Чирей, если он захочет поговорить, кликни меня. Я наверху буду.

Боль и Чирей, словно две гиены, которым было позволено подобрать объедки после обеда льва, разместились вокруг жертвы.

– Ты, животное, короче... Нам по барабану, о чем ты должен рассказать, – заявил Боль, глядя за приготовлениями напарника. – Как захочешь покаяться – скажи. Ну, короче, ты слышал, что Бес сказал...

На Ремизова обрушились удары. Кричать было невозможно – губы скованы широкой полосой коричневого скотча. Он слышал лишь свое приглушенное мычание...

Он дергал головой и урчал, извиваясь всем телом. Почувствовал тошноту, она усиливалась.

Похмелье лишь усиливало муки. Вчерашний «коктейль» из всех видов спиртного вызвал боль в голове и груди, ломку всего тела. Если прикатит волна рвоты, то немудрено захлебнуться собственными рвотными массами. Пока до этих двух ублюдков дойдет, в чем дело...

Господи, вот это смерть будет!..

– Мысля придет – башкой покачай, понял? – Чирей деловито поводит перед носом Ремизова блестящим скальпелем.

Комик отчаянно закивал головой. Но увидел лишь хищный оскал Чирья.

– Не-е-е, мужик. Это ты просто испугался. Правда начинается после получаса беседы.

Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге возник Саша. Увидев, чем занимается Чирей, он поморщился и отвел взгляд.

– Господи, Чирей, что ты делаешь?.. Идите, закройте за мной. Шеф к себе вызывает. Если Игорек заговорит – сразу звоните... Да убери ты на хер этот скальпель!!

Чирей, отложив нож в сторону, направился за Бесом. Боль последовал за подельником. Обоим нестерпимо хотелось выпить водки и немного закусить. Ничего страшного, если новый знакомый Игорь посидит в ванной, в темноте. После того, как в ванной наступил мрак и шаги затихли, Ремизов понял, что у него есть несколько минут для того, чтобы исправить ситуацию.

Когда-то, давным-давно, Игорь Ремизов служил армейским офицером. Закончив во Львове военно-политическое училище, он очень удивился, когда вместо Группы советских войск в Германии, куда он должен был быть распределен, его неожиданно направили в Дальневосточный военный округ. Перед самым выпуском один из будущих лейтенантов, а тогда еще – курсант, отошел ночью с поста по охране знамени училища и от нечего делать проник в отдел кадров. Когда он увидел аккуратные стопки личных дел будущих офицеров, разложенные в соответствии с военными округами, в его голове возникла мысль, которая в Уголовном кодексе трактуется как «эксцесс преступления». Нарушив закон уже тем, что отошел с поста, он решил совершить еще одно преступление. Разыскав в стопке с табличкой «Закавказский военный округ» свое личное дело, он переложил его в стопку с надписью «ГСВГ». Большой надежды на эту манипуляцию он не возлагал, однако и ответственность за это ему не грозила. Чего штабисты, в самом деле, не напутают? А делом, которое вернулось в предыдущую стопку, оказалось дело Ремизова. А уже на следующий день в штабе выписывались распределения и проездные документы. Когда после торжественного выпуска лейтенант Ремизов решил похвастаться перед невестой и вынул документы, он в одночасье лишился и невесты, и карьеры. Первая, уже мысленно развесившая занавески в квартире во Франкфурте-на-Одере, никак не смогла представить, что развешивает эти занавески в общежитии города Уссурийска. Жизнь покатила под откос. Ремизов так и не узнал об истинной причине такой «ссылки». Узнал бы сейчас – убил бы виновного на месте. Однако тогда решил все-таки ситуацию исправить посредством честной службы. Он думал об этом в тот момент, когда поезд уносил его с железнодорожного вокзала Мрянска в будущее.

Однако вместо «службы с рвением» он, увидев покосившиеся ворота родной части, запил. Остановиться уже не мог и в один из осенних теплых вечеров совершил то, что должен был совершить рано или поздно. Совершенно случайно убил солдата своего взвода. Оказавшись совершенно неслучайно в состоянии алкогольного опьянения в карауле, он проверял посты и, услышав шум, выстрелил на звук. Но Ремизову, который уже собрал вещи, готовясь отправиться в менее теплые края, улыбнулось счастье. Его быстренько уволили со службы, а родителям солдата от части было направлено утешительное письмо. После родители восемна-

дцатилетнего мальчика долго показывали это письмо родным и знакомым, вновь и вновь перечитывая строки о том, как их сын пал смертью храбрых при выполнении служебного долга.

Оказавшись не у дел, Ремизов в разгар тотальной борьбы с пьянством вернулся в Мрянск. Вспомнив, сколько зарабатывал на нелегальном спиртном в годы Великого кризиса Аль Капоне, он решил применить американский опыт на отдельно взятой территории СССР. Применил и на суде получил столько же, сколько его заокеанский коллега – четыре года лишения свободы. Как обычно, бывшего офицера спасло чудо. Это чудо явилось в виде триединого лозунга – «Перестройка. Гласность. Ускорение». Игорь Ремизов освобожден «условно-досрочно» за год до окончания срока. Набрать в лагере авторитета, как и здоровья, он не смог, поэтому три года подряд зализывал раны. В момент появления первых организованных преступных группировок Ремизов сделал свой выбор. Прибился к одной из них. Уже потом, участвуя в междоусобных войнах криминальных авторитетов Мрянска, набрался понятий и опыта борьбы с особо неподдающимися. Бывший политработник, как никто другой, хорошо знал, что на «белый террор» нужно незамедлительно отвечать «террором красным». Идеи вождя мирового пролетариата, которые вдалбливались ему долгих четыре училищных года, наконец-то нашли свое применение в жизни. Ремизов стал неплохим бойцом, а впоследствии и «чистильщиком». Прекрасно разбирающийся в оружии, способах применения взрывчатых веществ и тактике ведения боя, он вскоре приглянулся Лиссу, который уже в полной мере стал контролировать в Мрянске завод, выпускающий известные всему миру трактора. И с девяносто первого года Игорь Ремизов уже полностью продал душу, вместе с накопленным опытом, мрянскому авторитету. Но спустя пять лет Лисс «загремел» на год по причине собственной глупости. В багажнике его «Мерседеса» остановившие его сотрудники дорожно-патрульной службы нашли пистолет, который Лисс потерял еще месяц назад. Слава богу, ствол не находился в розыске, и результаты проверок показали, что ни в одном из сомнительных убийств страны этот «глок» себя не зарекомендовал. Не желая оставаться не у дел, Ремизов подался в Чечню. В военкомате не углядели судимости (а может, углядели, да плюнули – стрелять на площади Минутка кому-то ведь нужно!) и отправили старшего лейтенанта Ремизова в эпицентр борьбы с режимом Дудаева. Уже через несколько дней после прибытия в часть Ремизов пропал без вести, а еще через пять месяцев объявился в районе Ведено. Его освободили из плена, наградили медалью «За боевые заслуги» и отправили на Большую землю. Уволился Ремизов с почетом, как и подобает бывшему ветерану локальных конфликтов. Через неделю он уже встречал у ворот колонии освободившегося Лисса. Вероятно, он достиг бы гораздо больших высот в действующей команде мрянского авторитета, но, как и в случае со службой, ему помешало наплевательское, легкое отношение к своей собственной жизни. Если в первом случае всему виной оказалась тяга к спиртному, то во втором – мелочность и жадность. Он не брезговал ни золотыми часами заказанной жертвы, ни его обручальным кольцом, ни бумажником. Понимая, что так дела не делаются и рано или поздно можно погореть на какой-нибудь мелочи, Лисс *попросил Ремизова относиться к жизни с большей степенью ответственности.* Это произошло в конце 2002 года. Ремизов был жив лишь потому, что исполнял свою «работу» четко. Через месяц, когда окончательно срослась губа и перестали болеть ребра, Ремизов дал авторитету торжественное обещание, сродни прошлой воинской присяге, исполнять все приказы незамедлительно, точно и в срок.

Ровно сутки назад Игорь Ремизов, по кличке Комик, свое обещание нарушил. Несмотря на железное алиби и минимум риска, он не сумел сделать простой вещи. Войти в номер и найти в нем документы, которыми Лисс уже целый месяц бредит во сне и наяву. Но он этого не сделал по одной маленькой причине – документов в номере не было. Какая маленькая причина, а какая большая боль!..

Провернув в голове всю свою неудавшуюся карьеру политработника-«мясника», Ремизов понял главное. Этот момент наступил бы не сегодня, так завтра. Его ошибки – это повод.

А повод всегда нужно отличать от причины. Причина кроется в том, что наступил час, уже в первую минуту которого Ремизов стал опасен. Опасен тем, что много знает. Граждане, решившие срубить денег! Никогда не вставайте на путь исполнителя заказных убийств! Он в ста случаях из ста заканчивается тупиком!

Ремизов почувствовал, как неожиданно спокойно забилось сердце. Он снова превратился в человека, готового правильно прицелиться и плавно спустить курок. Когда он повернул голову, то увидел лишь темноту. Но желание жить заставило его глаза обрести способность видеть в кромешной тьме. Там на тоненьких ножках стоял столик с оставленным на нем большим анатомическим скальпелем.

Глава 7

– Я вынужден заметить, Струге, что ваше отсутствие на встрече с председателем Верховного суда – это не что иное, как презрительное отношение к своим обязанностям.

Бутурлин ел диетическую котлетку из моркови, закусывал ее кусочком черного хлеба и запивал жидким чаем. Боком навалившись на спинку стула, перед ним сидел Струге. По всему было видно, что Антон Павлович сейчас находится очень далеко от судьи из Мурманска. Их встреча произошла спустя два часа в фойе академии. Воронов с охраной покинул здание. Поскольку ныне все разговоры Бутурлина были именно об аспектах становления судебной системы и о ее дальнейшем реформировании, было очевидно, что речь одного из первых судей государства проняла судью с Севера до мозга костей. Мальчишеское бегство Струге он считал школьной выходкой.

– Вы сбежали, чтобы покурить в туалете, Струге? – поинтересовался он.

В чем-то Иван Николаевич был прав. В совершенно пустом, сияющем чистотой туалете Антон выкурил несколько сигарет. Он выкурил бы еще больше, если бы они не закончились. Теперь в его кармане лежали восемь листов бумаги формата А4, и он думал лишь об одном – как побыстрее от них избавиться. Теперь ему становилось понятно, почему Феклистов не держал их при себе. Вместе с документами находилось сопроводительное письмо от директора завода Пусыгина. И у Антона не было ни грамма сомнений в том, что эти документы отправлялись для приобщения к какому-то уголовному делу, которое рассматривал Феклистов. Сама по себе информация была невнятной. И вряд ли посторонний человек, впервые увидевший эти листы бумаги, смог бы ими воспользоваться в своих интересах. Однако тот факт, что Феклистов прятал документы в шланге, мог говорить только об одном – и он, и те, от кого он прятал эти листы, очень хорошо понимали их значимость. Очевидно, она была даже более той, о которой думал Антон, если из-за возможности обладать материалом Феклистова уничтожили. Письмо Пусыгина могло появиться на свет не только в печати. Эти документы должны были стать пронумерованными, включенными в опись листами уголовного дела. Трудно было бы поверить в то, что эти цифры могли стать причиной смерти Феклистова, если бы не письмо. Еще в туалете, поняв, наконец, за владение какой информацией мрянскому судье пробили голову, Струге отсоединил письмо от документа и положил его в другой карман пиджака. Сделал это машинально, повинувшись скорее внутренней, необоснованной логике, нежели очевидному здравому смыслу. Он думал сейчас только об одном. Дождаться окончания запланированной на сегодня учебы и связаться с Выходцевым. Неважно, заинтересуется старый следователь этими листами или нет. Поскорее избавиться от материала, передав его туда, куда хотел передать его Феклистов. Держать бумаги у себя мрянскому судье не имело никакого смысла. Полученные *таким образом* документы добропорядочный судья никогда не приобщит к рассматриваемому уголовному делу. Такой трюк не «прокатит» по ряду причин, главная из которых – запрет законом подобных судейских манипуляций. Важно другое, на что, очевидно, никак не мог рассчитывать судья. Теперь эти бумаги появятся уже в другом уголовном деле. В деле об убийстве судьи Феклистова. И как знать, не появятся ли они теперь, в качестве вещественных доказательств, в его деле *законным* образом?

Документы, переданные – теперь уже совершенно очевидно, что директором завода Пусыгиным, – сделать достоянием Закона – вот чего хотел Феклистов. Желание покойного – тоже своего рода закон. Пусть так и будет, хотя вряд ли судья предполагал такое развитие событий...

– Иван Николаевич, вы мне порядком надоели, – Струге поставил на стол пустой стакан с молочными потеками, – вымотав мне нервы за неполные сутки. Такого брюзжания я не слышал с тех пор, когда съехал с коммунальной квартиры. Там в соседках ходила бабка, чью судьбу

искалечил Иосиф Сталин. Во мне она видела продолжателя дел доблестных «троек» конца тридцатых. Но вы-то... Солидный мужчина, если отбросить подробности сегодняшней ночи, уполномоченный Президентом государственный муж... Вы сами себе не надоели?

Но Бутурлин был невозмутим.

– Вы живете эмоциями, Струге. А это для судьбы неприемлемо. Судья просто обязан руководствоваться в повседневной жизни анализом реальных событий.

– Я вижу, вы так и не разыскали левомецетин?

– Не юродствуйте. То, что вы называете словесным поносом, на самом деле – констатация истины. Учитесь жить скупно на эмоции, тогда эта истина станет ближе. Вот, к примеру, как вы полагаете, о чем я думаю, кушая эту котлетку?

– Только не говорите, что стараетесь увидеть истину в шматке тертой морковки! – Антон стал собирать посуду в кучу.

– Нет, Струге, я думаю о другом. В каждом явлении нужно выяснить причину его происхождения. Тогда это поможет принять правильное решение или вынести приговор. Ошибка дорогого стоит.

– На самом деле, Бутурлин, кушая эту котлетку для дегенератов, вы думаете о том, что если съедите мясную, то опять начнете гадить дальше, чем видеть! – Струге с ядовитой усмешкой встал из-за стола. – Так что не лукавьте. Нам пора в отель «Кометафорния».

По дороге им пришлось зайти в аптеку. Струге, слушая заунывные речитативы спутника, ощущал усиливающее жжение в груди. Именно там, в левом кармане пиджака, лежали прочитанные им и свернутые в трубочку документы. До его звонка Выходцеву оставалось двадцать пять минут. До приезда следователя – час. А ровно пятнадцать минут назад изрядно выпившие Чирей и Боль вошли в ванную, где оставили в темноте Ремизова...

Комик по-военному быстро оценил ситуацию. Теперь все зависело от того, как скоро двое уголовников войдут в ванную комнату. Когда они не появились через пять минут, Ремизов понял, что они не смогли пройти мимо оставленного на столе, со вчерашней ночи, спиртного. Потом понял и другое – торопиться им некуда. Люди, привыкшие к алкоголю, не успокоятся, пока не допьют все имеющееся под рукой. Судьба дала ему еще один шанс, и подвести самого себя он просто не имеет права. Первое, что теперь нужно было сделать, – снять с губ скотч. Идиот по кличке Боль наклеил его сразу после выхода Беса. В данной ситуации лишь рот может исполнить роль хватательного органа. О том, чтобы освободить руки или ноги, не могло быть и речи. Примотанные несколькими оборотами все той же липкой лентой, они давно затекли и словно слились со стулом.

Наклонив голову, Ремизов стал яростно тереть щекой о плечо. Лишь бы только отклеился уголок ленты...

Щека горела, словно ему в лицо плеснули уксусом, однако, преодолевая боль, Комик старался вовсю... Наверное, на сотом по счету движении ему удалось сделать невозможное. Прилипнув краешком ленты к рубашке, скотч медленно пополз с губ. Теперь он лишь висел, держась липким основанием на щеке. Но рот был свободен! Теперь, даже не видя в темноте столика с иезуитскими приспособлениями, ему нужно было подвинуть к нему стул. Причем так, чтобы не звякнул ни один из предметов. Комната, где происходило похмельное возлияние, была совсем рядом.

Сквозь мощную вытяжку до Ремизова доносилось завывание февральского ветра. Морозы в Москве стояли несильные, однако изредка мощные порывы ветра превращали терпимый холод в невыносимую стужу. И в эти мгновения люди, укрыв покрасневшие лица варежками или воротниками, стремились как можно быстрее оказаться в тепле. Боже, как хотел сейчас Ремизов из этого тепла попасть в буран... Прямо в этой расстегнутой до пояса рубашке, босой!

Прильнув, насколько это возможно, грудью к шаткому столику, Комик губами ощупывал поверхность его столешницы. Когда в легких заканчивался воздух, он выпрямлялся и переводил дух. Потом снова набирал в легкие кислород и снова ощупывал губами грязную скатерть столика. Его интересовал лишь один предмет – огромный скальпель, которым в анатомических отделениях морга вскрывают покойников. Он шарил губами, стараясь не думать о том, сколько трупов помнит этот хромированный инструмент. Вот он, скальпель...

Помогая языком, Ремизов втокнул в рот его рукоять. Теперь – самое главное...

Сжав ручку зубами, Комик приблизил лезвие к широким лентам липкой ленты, сковавшей его правую руку.

Он почти плакал, когда зубы, не удерживая тяжелый предмет, скрипели по металлу. Скальпель резал скотч. Но... так медленно. Так предательски медленно!..

Лихорадочно освобождая правую руку от ненавистных пут, Ремизов услышал шаги. Это поднимались по лестнице двое изрядно подпитых садистов. Вероятно, спиртное закончилось. Еще одно резкое движение, и Комик в темноте рассек ленту на левой руке, вместе с кожей. На брючину частой дробью замолотила кровь.

Чирей и Боль войдут в ванную ровно через тридцать секунд. За мгновение до того, как в номере гостиницы «Комета» Иван Николаевич Бутурлин задаст Струге вопрос: «Скажите, Антон Павлович, люди, убившие на нашем этаже судью, уже установлены?»...

– *Почему вы решили, что судью убили?* – словно громом оглушенный, тихо спросил Антон.

Мурманский судья, водружая очки на нос, улегся на кровать. В академии он приобрел несколько брошюр доцента Завадского и сейчас собирался всерьез с ними ознакомиться.

– Коллега, это не у меня, а у вас теплая вода в заднице не держится, – нравоучительно произнес он. По тону соседа Струге догадался, что идти на мировую Бутурлин не собирался – очевидно, догадался, кто явился причиной его хворобы. – Вы только что звонили неизвестному мне Выходцеву и просили срочно приехать. Что вы собираетесь ему передать, Струге? Вы всерьез занялись сыскной деятельностью? Возвращение детства?

– Не суйте нос в чужие дела. – Антон наклонился и принялся зашнуровывать кроссовки.

– Ответ в стиле негра, – заметил Бутурлин. – «Это наши черные дела, белый».

Спорить с ним Струге не хотелось. Свернув документы вчетверо, он поместил их в карман куртки.

– Я собираюсь выпить в столовой чашку кофе. Вам чего-нибудь принести?

Выходя в коридор, он не имел четкого плана. Оставшиеся до приезда Выходцева полчаса он хотел провести вне компании мурманского зануды. Можно зайти в соседний номер и познакомиться с другими судьями, кому выпала от родного региона честь отстаивать лицо местного судопроизводства. Можно, в конце концов, поглазеть на Москву из коридорного окна. С высоты птичьего полета столица была более привлекательна, нежели из окна скорого поезда. Полчаса... Тридцать минут, по истечении которых Струге расскажет прокурорскому работнику о найденных документах.

Глядя на перемещающихся по коридору людей, чей вид ничем не выдавал в них работников правосудия, Струге усмехнулся. Гостиница МВД – такая же предприимчивая организация, как и все остальные. Пока платят деньги, в ней будут проживать все, кто угодно. Бизнесмены, музыканты и прочие, не относящиеся к правовому полю ягоды. Их присутствие здесь вполне оправданно – расценки других гостиниц приводили в ужас даже нефтяных магнатов с Ближнего Востока.

Снова вспомнился бывший сосед по номеру, жизнерадостный и близкий по духу. Следом, вполне обоснованно, перед взором Антона, смотрящего в окно гостиницы, возник виртуальный облик судьи из Мурманска.

При упоминании имени нынешнего сожителя на месяц Струге поморщился и уперся лбом в стекло. «Скорее бы Выходцев, что ли, приехал...»

Окно располагалось неподалеку от шахты лифта, поэтому Струге очень хорошо слышал, как рывком натянулись тросы. Лифт вез кого-то то ли вниз, то ли вверх. Услышать шум дверей на десятом этаже было невозможно. Раз так, значит – едут вверх.

«Выходцев?»...

Однако оборачиваться Антон не торопился. Двери распахнулись, и он услышал шум шагов за спиной. Пропустив их, Антон оторвался от стекла. О том, что на этаж прибыл следователь, не могло быть и речи. По коридору, двигаясь довольно резвым шагом, шли двое молодых людей. Наморщив брови, Струге стал мучительно вспоминать. Такое случается с каждым – видишь человека впервые в жизни, а внутри все говорит о том, что эта встреча – не первая. Теплые кожаные куртки, зачесанные назад длинные волосы... Стрижка модельная, претенциозная, уложенная не в «подвальной» парикмахерской, а в салоне.

Как и в случае с ящиком пожарного гидранта, Струге почувствовал внутри себя толчок! Двое в холле гостиницы! В то утро, когда он вошел в «Комету»! Внимательные, спокойные, выбритые лица людей, которые проснулись не в пять минут седьмого утра, о чем сообщали гостиничные часы, *а гораздо раньше!* Люди, которые работали, исполняли свои обязанности, несмотря на то что день еще толком и не начался.

Нервный Феклистов, молодые люди в холле, радушный Меньшиков... Понимая, что вместе с перечислением всего необычного, чем встретило Струге вчерашнее утро, завязалась узелком и потянулась какая-то нить, Антон отшатнулся обратно к окну. Если сейчас эти добры молодцы изъявят желание проникнуть в номер 1024, то пора делать ноги! Струге осторожно выглянул в коридор. «Добрых молодцев» уже не было. Какой из номеров распахнул им двери, Струге не знал. Но бывший следователь, а ныне – судья, всегда относился с осторожностью к тому, чего не понимал. Может быть, опять стали вспыхивать искорки бреда преследования, но перед глазами была голова Феклистова с огнестрельной дырой. Стать счастливым обладателем аналогичного «отверстия» Струге не хотелось. И некогда было ждать уехавший в неизвестном направлении лифт. Распахнув двери этажа, Антон стал спускаться по лестнице.

Закончился один лестничный пролет – и Струге услышал резкий кашель на площадке девятого этажа. Почти сразу после этого его взору предстала странная, если учесть место события, картина. Перед дверями коридора курило двое тридцатилетних типов. Именно – типов. Ведомственная гостиница МВД предназначена для расселения граждан, которые по месту службы расписываются в денежных ведомостях соответствующих структур. Может быть, для бизнесменов и музыкантов. Но уж никак не для лиц, только что освободившихся из мест лишения свободы. Эти двое, с синими «перстнями» и замысловатыми «зоновскими» тату на кистях рук, больше походили на персонажи режиссерских работ Джона Ву, нежели на скрипачей или борцов за правопорядок. По их реакции Струге догадался о том, что эти каторжане знали его в лицо.

В том, что его не пропустят дальше, Антон уже не сомневался.

Теперь становилось ясно, что первые двое номером вряд ли могли ошибиться. 1024! Без всяких сомнений, 1024... Почему-то опять вспомнился больной желудком Иван Николаевич...

Того, что слева, Антон в расчет не принял. Туберкулезник с открытой формой заболевания. С ним все будет очень просто. Проблема была во втором. Тот был несколько шире Антона в плечах, а узкий, рассеченный в нескольких местах лоб говорил о том, что перед судьей – боец, закаленный в драках, в лагерных разборках. Шагая по последним ступеням, Антон не сводил с него глаз. Заодно, профессионально оценивая его реакцию на свое приближение, пытался определить его стойку. Для человека, который занимался боксом хотя бы месяц, одним из важнейших моментов выбора действий в отношении противника является именно определение

его ударной руки. Увидев, как левая нога второго, не выдержав напряжения, подалась назад, Струге спокойно вернул взгляд на подбородок соперника.

«Левак»...

Ошибиться в такой ситуации было невозможно. Ждут его. Страхуют тех, кто этажом выше. Эта засада – на всякий случай, и ее организатор просчитал все верно. Если есть хоть один шанс из тысячи, что Струге вдруг вырвется из окружения и пустится в бегство, то нет сомнения в том, что он понесет свой судейский организм именно по этой лестнице.

А ребята тем временем сконцентрировались максимально...

«Ничего, – решил Струге. – Если я ошибся, и эти двое – опера из отдела МУРа по розыску художественных ценностей, я их потом извиню...»

Обрушась с последней ступеньки всем телом, Антон сокрушительным ударом справа пробил «бойцу» в подбородок. В последний момент тот успел среагировать, но его реакции хватило лишь на то, чтобы слегка развернуть лицо...

Молниеносно развернувшись, словно ветряная мельница во время урагана, Антон вонзил сокрушающий апперкот слева по телу второго. Если первый удар получился слегка смазанным и пришелся не точно в подбородок, а в скулу, то со вторым получилось все просто идеально. И без того задыхающийся уголовник, хватая побелевшими губами воздух, отлетел к стене. Сложившись в одно мгновение, словно перочинный нож, он сейчас мучительно пытался восстановить процесс воздухообмена в своих дырявых легких.

Затрещало дверное стекло, разбитое затылком первого. Струге обернулся. Как он и предполагал, парень оказался из числа тертых. Удар он держал хорошо. В одно мгновение пришедший в себя «боец» отшатнулся от стены, на которую ему пришлось отлететь, и двинулся на врага...

Дважды нырнув к поясу уголовника, Антон прослушал над своей головой два отрывка из похоронного марша. Хорош тот боксер, который умеет держать удары, но гораздо лучше тот, кто их не пропускает.

Уголовник пришел в себя и снова бросился вперед.

Ххы!.. Хы!.. Хха!..

Умение нырять под удары и отшатываться в сторону позволяло противникам некоторое время тратить энергию вхолостую. Но замкнутое пространство лестничной клетки, по площади вдвое меньше стандартного ринга, заставляло обоих драться по правилам старинной дуэли, где исключена возможность отхода и смены позиции. Антон уже дважды получил по корпусу, и однажды рука «бойца» скольжением прошлась по темени.

Боли не было. В крови боксера во время боя вырабатываются такие дозы адреналина, что об истинных травмах приходится задумываться лишь через несколько часов после окончания схватки. Была лишь жажда смести со своего пути врага. Антону нужно было вниз, перед «бойцом» стояла задача обратная...

В любом случае эта стычка закончилась бы быстро. Это не арена Колизея, где можно убивать друг друга до вечера. Это гостиница МВД, правилами проживания в которой даже не предусмотрена ответственность за порчу имущества и хулиганские действия. Зато определен порядок действий после обнаружения в своем номере или в подвале мешков с гексогеном. Интересно, каким ветром постояльца гостиницы может занести в подвал? Однако такое предусмотрено. Но предусмотреть возможность того, что однажды внутри ее стен сцепятся федеральный судья и уголовник, дважды бывший чемпион Московской области, никому в голову не пришло.

Еще в годы спортивной молодости Антона Струге его соперники знали, что опустить перед Струге на средней дистанции левую руку означает одно – вспышку в глазах, которая исчезает лишь после того, как к носу подносят вату с аммиаком. Справа открыться было можно. Струге не силен в ударах левой. Но открываться перед ним слева...

Едва Антон увидел перед собой открытую левую половину лица «бойца»... Безвольно откачнувшаяся голова «бойца» подсказала о том, что тот «поплыл». «Поплыл» надолго, глубоко и смиренно...

Проход был свободен. Не желая вхолостую терять энергию для разворота к лестнице, Антон хлестко приложился к скуле еще не опустившегося на пол гангстера. Вот теперь можно спускаться.

«Теряю сноровку, теряю... – морщился Струге, растирая ссадину над ухом. – Вход перекрыть, дожидаться Выходцева... Только какой смысл вход перекрывать? Я не успею объяснить менту внизу, в чем дело, как эта четверка попрыгает, как крысы с тонущего корабля, из окон второго этажа... А может, успею?»

Он не успеет. К моменту приезда Выходцева и вызванного милиционером подкрепления о недавнем присутствии в гостинице бандитов будет напоминать лишь разбитое на девятом этаже дверное стекло да разбрызганные по стенам скудные капли крови.

Несостоявшуюся группу захвата через двадцать минут примет Лисс, а ровно через четыре минуты Выходцев и Струге поднимутся в номер 1024...

Глава 8

*Кабинет федерального судьи
Ленинского районного суда г. Мрянска
Феклистова. Декабрь, 2002 год*

– Разрешите, Владимир Игоревич?

Феклистов покосился на вошедшего секретаря – Олю Щеглову. Пять минут назад ей было велено строго-настрого запрещать входить посетителям в кабинет судьи. Оля должна была останавливать их в зале заседаний, смежном с кабинетом. В очередной раз форпост в виде хрупкой неопытной девушки не сработал.

– Владимир Игоревич, – запричитала, видя досаду на лице судьи, Оля, – я все помню! Но он сказал, что это безотлагательно и что вы знаете о его приходе!

Правдой это можно было назвать лишь наполовину. Феклистов действительно ждал заместителя директора Мрянского тракторостроительного завода, но не сегодня. В повестке, которую под личную роспись получил Баварцев, говорилось о том, что судья вызывает его на процесс к десяти часам утра, в пятницу. Сегодня был вторник. Любой судья в данной ситуации мгновенно поймет, что человек пришел *договариваться*. И сейчас Баварцев обязательно бросит фразу, которая все поставит на свои места. Он скажет: «Владимир Игоревич, я хотел побеседовать перед процессом». «Побеседовать» – значит, объяснить судье, что тому гораздо выгоднее было бы что-то сделать, нежели не сделать, или наоборот. Все зависит от настроения и возможностей судьи. А также – от его психологического настроя «побеседовать». Феклистов знал это наперед, поэтому слащавая улыбка на лице заместителя директора вызывала у него не удивление по поводу того, что подсудимый пришел каяться и искать общее с судьей, а неприязнь.

Феклистов был из тех, кто в своей деятельности руководствуется одним, святым для многих судей правилом. *Без жалости и гнева*. Очень простой, на взгляд обывателя, принцип. Рассуди по справедливости, в соответствии с Законом. Не лукавь и разгляди лукавство в других. Разреши верно, забыв об эмоциях.

За десять лет судейской работы Иван Николаевич постиг для себя две важных истины. Первая заключалась в том, что вынести справедливый, в соответствии с законом приговор – не самое трудное. Самое трудное в другом. Это другое и является истиной второй. Тебе всегда будут препятствовать вынести законный приговор. И в большинстве случаев заниматься этим будут люди, которым государство дало право и вменило в обязанность этого не делать. Напротив, государство в их лице показывает всем, под его флагом страждущим, лицо одного из своих столпов. Лицо власти. Власти судебной.

Феклистов – тертый калач. Его о колено не перешибешь, в процессе не заговоришь, не запугаешь и, что самое отвратительное, – не купишь. Он повидал многих, да и его познало немало. Но всякий раз, когда после объявления приговора к нему в кабинет прибредали некоторые адвокаты и говорили свою сакраментальную фразу о том, что-де приговор все равно будет отменен, Владимир Игоревич бледнел. Не от испуга или ярости. Нет, эти чувства для судьи стали чуждыми уже через пару лет службы. Он всякий раз менялся в лице от обиды. От обиды, что, как сказал этот адвокат, так оно и будет.

«Все равно ведь приговор отменяют, Владимир Игоревич...» – произносит адвокат, из деликатности утаивая окончание этой фразы – «хоть он и законный».

К Феклистову в позапрошлом году зачастил адвокат Маминов. Хамоватый тип, предназначенный лишь для того, чтобы в процессах нести околосудебный бред. Феклистов знал, что господин Маминов, даже не слишком маскируя это, берет с клиентов деньги. Все бы ничего,

ибо на этом принципе и основана адвокатская практика. Дело в другом. Маминов брал деньги «под судью Феклистова». Для тех, кто уже переварил первое блюдо упомянутой кухни, подаётся второе. Брать деньги «под» выглядит следующим образом. Маминов: «Добиться справедливого решения в отношении вашего сына можно, но это стоит денег». Убитый горем отец подсудимого: «Сколько вы попросите?..» Маминов: «Господи! Да разве мне это нужно?! Я питаюсь исключительно из тех сумм, которые вы официально проплатили в кассу коллегии адвокатов! Не я же выношу приговор...» Папа: «А сколько нужно судье?» Господин Маминов, со вздохом: «Пять тысяч долларов США...»

Но как же так?! – воскликнет изумленный обыватель. Ведь судья Феклистов – неподкупен и обязательно вынесет законный приговор?! Но ведь мы ведем речь о том, как бы его сделать... Как бы помягче выразиться?.. Достойным пяти тысяч!

Значит, второе блюдо плохо переварилось. Поднесем блюдо третье, после которого, по всем кулинарным правилам, обязательно последует десерт.

А судья Феклистов действительно вынесет приговор законный. И вовсе не потому, что не имеет понятия о виртуальных пяти тысячах в иностранной валюте. Напротив, ему, как человеку, прекрасно знающему принцип и смысл работы Маминова в качестве правозащитника, о пяти тысячах хорошо известно. Пусть Феклистов не знает конкретной суммы, но о существовании приблизительной предположение имеет. Просто потому Феклистов будет беспристрастен, что его не сука родила и не она же воспитала. Феклистов раз в месяц получит аванс, потом – зарплату, по итогам квартала – премию, и еще раз – по итогам года. И все это как раз будет равняться той сумме, которую ему предлагали за один-единственный приговор. И Феклистов уже давно плевал бы через платиновые фиксы, грея живот под солнцем Греции, если бы из пятисот вынесенных им приговоров он брал бы по пять тысяч за каждый десятый.

Но Феклистов предпочитает этому поездку до работы и обратно, домой, на трамвае 19-го маршрута и отдых между Каймановыми островами и Океанией – на даче, под Мрянском. Потому что не «берет» ни за один. Честь, негодяй, блюдет...

Обыватель, мотая головой и совершенно теряясь во все более густых клубах дыма, лишь обреченно спрашивает: «А фокус-то где?» Обещали десерт? Получите.

Мэтр Маминов, нисколько не смущаясь, заявляет родителям, уже потерявшим всякую надежду спасти погибшую в дебрях лесоповала душу сына: «Судья молодец. Сыну грозило восемь лет, а я договорился на четыре. Где еще пять тысяч, которые мы теперь отнесем судье кассационной инстанции, чтобы он отменил решение? Думаю, смогу доказать в областном суде, что можно ограничиться условным наказанием».

А в областном суде Маминова уже заждался судья по фамилии Буров. Именно под его председательством теперь будет рассматриваться дело. И после мотивировочной части, в которой и дается характеристика деятельности судьи Феклистова – «не основанная на законе», будет дана резолютивная – «Приговор в отношении Сидорова отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд, НО В ИНОМ СОСТАВЕ судей. Меру пресечения Сидорову – содержание под стражей изменить на подписку о невыезде»...

В Ленинском районном суде города Мрянска, как и в любом другом, всегда найдется судья, который на этот раз рассмотрит дело так, как нужно...

Приятного аппетита. И да здравствует правосудие!

С того момента, когда Феклистов впервые увидел на пороге своего кабинета Маминова, у него резко увеличилось количество отмененных приговоров. Иными словами, изменился не в лучшую сторону один из показателей работы судьи. Да кому какое дело до этого? Будут проверять беспристрастность Букова? Что, больше делать нечего? Выдерем Феклистова на коллегии! Это проще и менее хлопотно. Пусть повнимательнее к своей работе относится. Феклистов знал в кассационной инстанции областного суда по уголовным делам трех судей, с которыми Маминов «договориться» не мог при всем желании, одного – с которым «договаривался» ино-

гда, и одного, с которым решал все вопросы. Фамилия последнего была Буров. Поэтому, когда Маминов произносил сакраментальную фразу о неотвратимости отмены приговора, Феклистов твердо был убежден в том, что так оно и будет. Ибо данное дело уже в ближайшее время ляжет на стол Бунова. Однако достоинства Владимир Игоревич при этом не терял. Лишь улыбался, глядя в хищное лицо мрянского адвоката. Улыбался и бледнел...

В июле 2001 года произошло то, о чем так долго говорили судьи города Мрянска. Божий гнев, взметнувшийся на ровном месте, разбил в щепки челн, в котором уверенно махали веслами Маминов и Буров. Трагедия пришла оттуда, откуда ее совершенно не ждали. Сплоховал, конечно, Маминов. Уже поверив в полное всемогущество «подельника», он направил способности последнего на один дешевый развод. Какой-то районный судья счел невозможным разводить мужа и жену, состоящих в законном браке, увидев в зале заседания одну жену. В связи с этим счел невозможным и раздел имущества по плану прибывшей мадам. Потом отказался удовлетворить требование мадам признать суженого безвестно отсутствующим, так как он уже в течение года не появляется в месте своего постоянного жительства. Не убедили судью и четверо свидетелей, которых привел в суд Маминов. Ну, не хотел судья нарушать закон добровольно! Ибо мадам жила в его доме, и не далее как неделю назад судья видел мужа заявительницы выходящим из подъезда. Бывает же такое? А мадам и понятия не имела, проживая в коттедже на берегу реки, что этот судья живет в подъезде дома, где у них была городская квартира!

И отказал судья. И тогда, как это и можно было предположить, за дело взялся Маминов. Но, то ли он неправильно Бунову ситуацию распедалил, то ли Буров неправильно понял Мамина, только судья кассационной инстанции решение отменил. Эх, знать бы раньше Мамина, да Бунову, что муж мадам, совершенно не отсутствующий, тем более – безвестно, вот уже тридцать лет нес добросовестную службу в организации, где сотрудники просто не могут пропасть без вести. Не имеют права. Кто, вы думаете, уговорил Рущкого с Хасбулатовым сдать? То-то и оно, что об этом даже мадам не знала. Не говоря уже о Мамине с Буновым. Не знал этой строки в биографии «безвестно отсутствующего» мужа и очередной районный судья, который принял дело для нового рассмотрения. Вот он-то, по «совету-указанию» Бунова, и объявил миру, что один из заслуженных чекистов России пропал без вести. Не трудно догадаться, куда после этого казуса направил стопы уязвленный государев муж.

Однако, когда через два месяца в кабинете судьи Феклистова вновь прозвучало роковое: «Все равно ведь отменят...», Владимир Игоревич в очередной раз убедился в том, что есть болезни, уничтожить вирус которых не представляется возможным. Эта зараза привыкает к любым средам, выживая и вырабатывая в себе иммунитет к любым обстоятельствам. Эта болезнь поражает интеллект и душу, вытравляя из человека уважение ко всем, кто находится рядом. Рак – насморк по сравнению с этим заболеванием. Человек отдаст все, чтобы найти вакцину, которая могла бы спасти его от рака. Тот, кто заболевает «болезнью Мамина – Бунова», отдаст все, чтобы страдать ей как можно дольше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.